

МЕИР ЛАНДАУ

Вернуться на «Титаник»

Меир Ландау

Вернуться на «Титаник»

«Издательские решения»

Ландау М.

Вернуться на «Титаник» / М. Ландау — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907690-8

10 апреля 1912 года на борт поднялся инженер Фредерик Гудвин со своей семьёй. Семья Гудвинов покинула Британию, когда учёный занимался изучением свойств подвижного магнитного поля. Результатом работы Гудвина стало изобретение машины времени. В ночь крушения «Титаника» Фредерик Гудвин, его жена и дети погибают. Спасти́сь удаётся только девятилетнему Гарольду. Спустя много лет Гарольд завершает работу своего отца. Появление неожиданного гостя с «Титаника» заставляет его вернуться в 1912 год.

ISBN 978-5-44-907690-8

© Ландау М.

© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Глава 1	9
ИСПАНИЯ. РАЙОН БАРСЕЛОНЫ. 1937 ГОД	9
РОССИЯ; ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ; НАШИ ДНИ	12
НАШИ ДНИ; САНКТ-ПЕТЕРБУРГ	16
Глава 2	22
АНГЛИЯ; МЕЛКШАМ; ЛЕТО 1911 ГОДА	22
ИРЛАНДИЯ; БЭЛФАСТ; ЛЕТО 1911 ГОДА	28
АНГЛИЯ; МЕЛКШАМ; ОСЕНЬ 1911 ГОДА	31
ПРИГОРОД ЛОНДОНА. ФУЛЕМ6. ОКТЯБРЬ 1911 ГОДА	35
ПРИГОРОД КУИНСТАУНА; ИРЛАНДИЯ; ОСЕНЬ 1911 ГОДА	47
Глава 3	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Вернуться на «Титаник»

Меир Ландау

Редактор Евгений Валерьевич Кутявин

© Меир Ландау, 2018

ISBN 978-5-4490-7690-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Светлой Памяти семей Гудвин, Сейдж и Скуг,
погибших на «Титанике» в ночь с 14 на 15 апреля 1912 года,
и Фрэнка Джона Уильяма Голдсмита (1902—1982),
автора книги «Эхо в ночи»...
Покойтесь с миром...*

Эта оконченная версия книги «Барон с улицы Вернон», написанная в память о наших родственниках, семье Гудвин: Фредерика Джозефа Гудвина (родного брата моей прапрабабушки Марии (в крещении – Елизаветы) Карловны Квитки, урождённой Флоренс Эмелины Мэри Гудвин), его жены Августы, и его детей – Лиллианы, Чарльза, Уильяма, Джесси, Гарольда и Сиднея, погибших на «Титанике» в ночь с 14 на 15 апреля 1912 года.

Мы должны помнить всех своих родных, чтобы потомки помнили нас!

*Меир Ландау / Николай Ганжа
15 октября 2018 года*

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Титаник» давно превратился в корабль-легенду. И всё, что мы знаем о «Титанике», это также набор легенд и мифов, в которые верят даже те, кто серьёзно интересуется этой катастрофой. Книга, которую вы держите в руках – одна из историй «Титаника», что давно превратилась в легенду. Но реальные события были куда более трагичными.

«Титаник» стал первым масштабным кораблекрушением, открыв их скорбный список в XX веке. Именно в связи с многочисленными человеческими жертвами «Титаника», были составлены новые Морские Законы и правила спасения человеческих жизней, которые так и именуют – «Законы «Титаника». Однако он оставил после себя много тайн и загадок, одна из которых изложена в этой книге – первой в трилогии «Барон с улицы Вернон».

В этой книге рассказывается о семье Гудвин. Она и есть настоящий символ этой катастрофы. А самый младший Гудвин, Сидней Лесли Гудвин – стал именем этой трагедии. Поэтому его могила стала памятником всем детям «Титаника», И она теперь – одно из самых посещаемых мест в Канаде и США.

Однако, кроме красивой легенды была ещё и неприятная правда, ставшая причиной этой катастрофы. Жертв могло бы быть значительно меньше, по крайней мере среди женщин и детей, находившихся на лайнере. Возможно их и не было бы совсем, если бы не ряд обстоятельств. Этот вопрос поднимался лейбористской прессой Британии сразу после крушения. Увы, все вопросы тогда растворились в родившихся легендах, мифах и откровенной лжи.

Попытаемся развеять романтический дым и ответить, почему так получилось? Можно много говорить о «человеческом факторе», «отсутствии бинокля», «стремлении к роскоши и гордыни», но нельзя отрицать такие моменты: жертв могло бы быть в разы меньше, если бы не социальный фактор, не пренебрежение жизнью «плебса» во имя спасения так называемой «элиты».

Англия конца 19-го начала 20-го столетий нам знакома, как правило, по чудесным советским кинофильмам. Мы судим о ней по экранизации бессмертного Артура Конан Дойла: викторианский домик, ажурные лесенки, туманные садики, Шерлок Холмс играет на скрипке, доктор Ватсон слушает и размышляет, а старенькая миссис Хадсон подаёт чай. Но других описаний той эпохи нет даже у жителей самой Британии. Почему же англичане так не любят вспоминать некоторые моменты из собственного прошлого?

В книге «Вернуться на «Титаник» показаны истинные реалии Англии 1912 года, без прикрас и лоска. Католики, фактически лишённые каких-либо гражданских прав и свобод. Безработица, обусловленная этой же самой религиозной дискриминацией. Для населения Британии, в которой традиционализм всегда играл существенную роль в укладе, менталитете населения, это грозило обернуться масштабной национальной катастрофой. Национальная нетерпимость к ирландцам и шотландцам со стороны англичан, считавших себя хозяевами своей и чужой жизни, встречала аналогичный ответ со стороны католического большинства. Здесь, во втором издании книги, показано зарождающееся рабочее движение в Великобритании. Борьба профсоюзов за права рабочих на фоне разобщённости британского общества.

Английская правовая и общественная система была основана не на Римском Праве, а на прецедентах. И это не могло не сказаться в переломные годы окончания старой аристократической Англии и начале капиталистического уклада жизни. Практически поголовное обнищание населения породило рост преступности в небывалых масштабах. Задолго до гитлеровской Германии произошла вспышка национализма и одновременно религиозного фанатизма. Это явление переросло в открытое насилие и настоящее противостояние. Католикам, даже образованным и известным во всём мире людям, невозможно было устроиться на приличную работу. Детей католиков, хотя закон об образовании гарантировал обязательное обучение всех

детей до 12 лет, выживали из школ всеми возможными методами. Католических школ было очень мало и они находились на полном самофинансировании, то есть были не по карману большинству населения.

Усилившееся организованное рабочее движение окончательно поставила Англию на грань революции.

Фактически, нормальная жизнь в таких условиях для очень многих семей была невозможна. Вспомним и другой момент: страшное перенаселение страны. Поэтому, жители Британии стремились выехать в относительно свободные США и страны Европы. Ещё в 19-м веке многие шотландские семьи поселились на севере России, а в США возникла огромная ирландская диаспора, играющая существенную роль в жизни страны до сих пор. Гигантский для того времени пароход, построенный по последнему слову техники начала 20-го века, не стал исключением. Три четверти пассажиров были переселенцами и ехали во втором и третьем классе.

Указанные выше факторы послужили основной причиной гибели пассажиров Третьего класса, запертых на своей палубе во время катастрофы «Титаника».

Некоторые эпизоды книги написаны на основе воспоминаний выживших пассажиров «Титаника» о тех, кто не пережил крушения, и в ней по словам автора нет вымышленных эпизодов.

Здесь впервые упомянут несправедливо забытый малолетний пассажир, Карл Торстен Скуг, истинный символ той катастрофы. Но о нём предпочли забыть буквально сразу, потому что память о Карле Скуге на протяжении более сотни лет бросает тень на репутацию общепризнанных «героев «Титаника» из Первого класса. Собственно, автор ставит под сомнение «героизм» многих пассажиров, объявленных героями.

В книге упомянут и русский герой «Титаника», несправедливо забытый на Родине отставной капитан Русской Императорской Армии Михаил Жадовский. Это первое упоминание о нём за 106 лет.

В принципе, это первая в истории книга, написанная о пассажирах Третьего класса. Это историческая книга, написанная в научно-фантастическом жанре, поднимает важнейшие моральные и этические вопросы, острые проблемы общества, актуальные до сих пор.

Роману «Вернуться на «Титаник» предшествовал рассказ «Кольцо Времени; мальчик с «Титаника», и попытка экранизации этого рассказа.

Уже более сотни лет, рассказывая о «Титанике», нам навязывают, как символическую драму той катастрофы, сцену прощания юной Мадлен Фокс со своим мужем, Джоном Джейкобом Астором. Хотя истинная драма «Титаника» это совершенно другая сцена – трагедия семьи Гудвин из Третьего класса, когда родители не могли собрать своих детей, раскиданных по всему пароходу в разных каютах. И вряд ли они успели попрощаться друг с другом...

Книга посвящена Памяти этих семей: Гудвин, Сэйдж, Скуг и сотен других пассажиров «Титаника», погибших в полном составе во время крушения. Они погибли исключительно из-за средневековых национальных и религиозных предубеждений. Книга – в память о людях, оказавшихся запертыми на своей палубе только лишь потому, что они были не той национальности и не той конфессии.

Книга, хотя и написана в жанре научно-фантастическом, больше относится к историко-публицистическим книгам и станет заметным произведением о «Титанике».

Моше Криман

«Я всегда буду видеть перед собой ту женщину,
цеплявшуюся за мужа, и их шестерых детей...»
(из воспоминаний Берты Малвилл,
пассажирки лайнера «Титаник»,

о последних минутах семьи Гудвин)

Глава 1

ИСПАНИЯ. РАЙОН БАРСЕЛОНЫ. 1937 ГОД

– Виктор! Виктор! – прокричал молодой француз и сбежал вниз к морю по крутому обрыву, где два его товарища только что расположились отдохнуть и уже собирались угощаться отменным коньяком.

– Ни минуты покоя! Ну что за народ эти французы? – выругался бородатый американец и посмотрел на своего товарища.

– Зачем я вам понадобился, Антуан? – обернулся, не вставая с песка, Виктор.

– Ты же у нас физик? – подбежал Антуан к ним.

– Физик-ядерщик, – уточнил Виктор.

– Ну вот ты-то нам и нужен, – встал над ними Антуан.

– Я? На заброшенной ферме в глухой деревне? – уже было рассмеялся Виктор, но под-
нялся.

Бородач махом вылил себе в рот коньяк и встал вслед за Виктором.

– Чего вы там нашли? – спросил он у Антуана, – марсианские револьверы? Или...

– Или, – кивнул Антуан, – я бы на вашем месте, товарищи, в начале бы посмотрел на это добро, а потом смеялся.

– Ладно уже, пошли, – ответил Виктор, махнув Антуану, и все трое направились в сторону деревни.

В огромном сарае, на самой окраине, не было ничего примечательного. Виктор в недоумении посмотрел на голые стены, разбитые бутылки на полках, но Антуан указал ему вниз. В дальнем углу был спуск в подвал.

– Сюда, – позвал их Антуан и полез в подвал первым.

Два испанца, стараясь ничего не трогать, стояли посреди большой комнаты и разглядывали надписи мелом на школьной доске. В самой комнате был относительный порядок.

– Вначале мы подумали, что какой-то местный любитель оборудовал себе тут лабораторию, – говорил, спускаясь вниз, Антуан, – но потом я заметил кое-что интересное. Благо, я знаю английский, в отличие от бойцов, и сразу же решил показать вам.

Он указал на стол, остановившись у самого входа.

– Посмотрите эти записи. Виктор подошёл к столу и посмотрел на бумаги. Он взял одну из них и изменился в лице.

– Это же... – повернулся он к Антуану и чуть не закричал, – это разработки моего отца! Это его почерк! Он отправил эти бумаги во Францию, в 1912 году! Как они тут оказались?

– А твой отец сейчас где? – подошёл бородатый американец. Он взял тетрадь в кожаном переплёте со стола и начал её просматривать.

– Отец погиб... в том же 1912-м, – ответил Виктор, – насколько я знаю, он отправил эти записи доктору Кюри.

– Не удивительно, что они тут, – ответил Антуан и подошёл к друзьям, – архив доктора Кюри достался нацистам. Очевидно, что это он и есть. Но почему они прячут его в этом сарае, а не в Лейпцигском университете?

– Секретные разработки, – ответил ему Виктор, продолжая просматривать записи, – другого ответа нет. Лаборатория любого университета, и тем более специально построенный объект в Германии, это первые места, где будет искать их МІБ. Они очень хотели заполучить их ещё тогда, когда отец был жив, а сами они были просто ищейки из SSB. Но ни они ни немцы, ничего не сделали бы.

– Почему? – удивился американец.

– Вторая часть дневников находится у меня, в Лондоне, – усмехнулся Виктор, – и очень надёжно спрятана.

Он посмотрел на бородача.

– Есть идеи, как это всё увезти, Эрнест?

– Идеи? – усмехнулся бородач, – идея придёт через два часа и она называется «Сандауэр». Не знаю насчёт Лондона, но до Ливерпуля эта посудина нас точно подкинёт. А по дороге мы разберём, что тут писал твой покойный батюшка. И, кстати, ты что, по рождению Гудвин? – внимательно посмотрел он на Виктора.

– Гарольд Виктор Гудвин, – улыбнулся Виктор, – давно я не слышал этого имени!

– А я никогда и не верил, что ты немец! – разразился смехом Антуан.

– Вообще-то, тогда уж, еврей, – так же, усмехнувшись, ответил ему Виктор, – фон Готт, это фамилия человека, который вырастил и воспитал меня после «Титаника». Я вообще не знаю, что было бы со мной, не появился он тогда, в те дни, в моей жизни. Он был немец. А вот моя покойная мачеха была еврейкой, а мой сводный брат – раввин на Манхэттене. Но это дела не меняет.

Он положил бумаги и взял в углу огромный деревянный ящик.

– Давайте паковать это добро, пока есть время. Если нацисты это потеряли, то наверняка попытаются вернуться за этим сокровищем.

– Да что же тут? – бросился собирать бумаги и тетради Антуан.

– Отец был компаньоном Николы Теслы, – ответил, не глядя на Антуана Виктор, собирая бумаги, – они занимались подвижным магнитным полем. Представляете, что может случиться, если фашисты попытаются это использовать в качестве оружия?

– Гм, – проговорил Эрнест, не отрываясь от тетрадки в кожаном переплёте, – «чёрные дыры» и «кротовые норы»¹? Я думаю, что твой покойный отец был гением, опередившим свою эпоху...

– Что значит «кротовая нора»? – не понял Антуан.

– А это значит, – ответил Эрнест, глянув на француза, – что если мы соберём по этим записям механизм, над которым работал отец нашего Гарольда, который сейчас Виктор, и запустим его, то выйдем отсюда не в сарай, а там, где захотим. И тогда, когда мы этого захотим. Например, сможем отужинать с Бонапартом, или собственными глазами увидеть смерть Цезаря.

– Что? – удивлённо глянул на Эрнеста Антуан, – так чего мы копаемся, товарищи? За таким они не просто вернутся, а на танках! Быстрее! И постарайтесь не потерять ничего!

Небольшая яхта почти причалила к маленькому деревянному пирсу.

– Чарли! Старина! – замахал руками Эрнест, завидев на мостике фигуру капитана.

– Здорово, Хемингуэй! Может скажешь мне, какого чёрта тебя занесло именно в эту деревню? – шутя ругался капитан, которого, как оказалось, звали Чарли.

Он подогнал яхту как можно ближе, спустился на палубу, и спрыгнув на пирс, не дожидаясь пока подадут трап, пошёл пешком к берегу.

Матросы бросили якорь.

– Чего это у вас? – указал он на огромный ящик, – и может познакомишь со своими товарищами? – обнял Хемингуэя капитан.

– Пустяки, – махнул рукой Хемингуэй, – это кое-какие бумаги, которые надо доставить в Ливерпуль вместе со мной и этим уважаемым журналистом, – указал он на Виктора.

– Надеюсь, это не то, что заинтересует пограничников? – посмотрел на ящик капитан.

Виктор хотел что-то ответить, но Хемингуэй опередил его.

– Ну что ты, старик, брось, какие пограничники? За ними немцы гонятся.

Капитан улыбнулся.

– Ну слава Богу, а то я уж начал волноваться, что это очередная партия рома для много-страдальной Америки. Он посмотрел на Виктора.

– Капитан Чарльз Лайтоллер², – кивнул капитан.

– Виктор фон Готт, – ответил Виктор, – а Вы...

– Тот самый, но не хотел бы обсуждать это с журналистами, если Вы про «Титаник», – сказал спокойно Лайтоллер.

– Пожалуй, Вы мне не откажете в этом, – улыбнулся Виктор и протянул ему руку, – сегодня я второй раз Ваш пассажир.

– Да ну... – удивился Лайтоллер, – надеюсь, что в этот раз я Вас доставлю в порт назначения. И думаю, тогда нам действительно есть о чём поговорить...

Яхта отчалила через несколько минут. Антуан долго махал вслед руками своим друзьям и скоро вовсе исчез из виду.

Хемингуэй достал сигару, предложил другую Виктору, но тот отказался.

– Не люблю крепкий табак.

– А вот это ты зря, товарищ коллега, – ответил Хемингуэй. Он затянулся крепким дымом, подумал и закрыл глаза.

– Тишина-то какая, – проговорил Хемингуэй, – будто и войны нет.

– Тишина всегда обманчива, – ответил ему Виктор.

– Что верно то верно, – согласился Хемингуэй и посмотрел на Виктора, – а я не знал, что Вы старые друзья с Лайтоллером!

– Скорее друзья по несчастью, – согласился Виктор.

– Так получается, что ты был на «Титанике»? И там погиб твой отец?

– Да, – вздохнул Виктор, – и вся семья. Братья, сёстры и мать тоже там.

– Сочувствую тебе, дружище, – положил ему руку на плечо Хемингуэй, – знаешь? А у меня с собой замечательный бренди! Может по маленькой? И пусть нам всем повезёт!

Виктор рассмеялся.

– Я, когданибудь составлю твой цитатник и буду повторять за тобой как попугай! Ты как скажешь что-нибудь, так это хочется запомнить!

Он повернулся к Хемингуэю и облокотился на борт.

– Пошли, мистер трезвенник!

РОССИЯ; ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ; НАШИ ДНИ

Небольшой дом неподалёку от Санкт-Петербурга был почти неизвестен туристам, но, тем не менее, сюда время от времени приезжали небольшие экскурсии. Всё что тут было – фотографии в рамках на стенах по всем комнатам, экспонаты на самодельных, аккуратных витринах и стойках, а ещё была небольшая комнатка с видом на Финский Залив. Она точно воспроизводила рулевую рубку «Титаника». Именно там любили фотографироваться посетители, а детям было интересно покрутить штурвал и машинный телеграф, представляя себя настоящими матросами.

Это был частный музей, в котором и директором, и владельцем, и экскурсоводом был один-единственный старик, говорящий со странным акцентом.

Старик был старой закалки. Он всегда рассуждал не спеша и неторопливо. Всегда слушал внимательно и вникал в каждое слово. Отвечал только по существу. И спрашивал только по существу.

А ещё, он никогда не закрывал свой музей. Сюда могли прийти даже среди ночи и старик всегда был рад посетителям, приглашая их после экскурсии на чай, или просто погреться у камина и продолжить разговор.

Камин находился в соседнем доме. Там старик жил. Его дом был соединён с музеем длинной галереей, точно воспроизводящей променады Первого класса «Титаника».

Старик жил не один: взрослая дочка, зять – капитан дальнего плавания. А ещё было шестеро шустрых внуков, которые не давали скучать никогда. Мал, мала, и меньше.

Даже в этот вечер, когда он уже расслабился возле камина, накрывшись пледом, внучата шумно играли рядом и старик не сразу услышал, что в дверь позвонили.

– Папа, к тебе какой-то человек, – сообщила дочка.

– Человек? И почему я не удивлён? – оглянулся на дочку старик, – пусть проходит.

Старик встал и вышел в прихожую встретить ночного гостя.

– Здравствуйте, – кивнул ему молодой парень со шрамом на щеке.

– Доброго вечера, уважаемый! – подошёл ближе старик, – чем обязан в столь поздний час?

– Мне бы очень хотелось посмотреть на ваш музей, – ответил парень на чистейшем английском и улыбнулся, – я специально нанял машину, чтобы приехать к вам.

– Издалека, наверное, ехали? – так же по-английски, спросил старик.

– Издалека, – вздохнул парень.

– Надеюсь, вы отпустили машину?

– Нет, – покружил парень головой, – она меня ждёт за воротами. Планирую вернуться к утру. Дела, понимаете, не терпят.

– Ну, тогда и мы не будем терять времени? Пройдёмте, я думаю, через галерею? – предложил старик, – холодно нынче по ночам.

– Да уж, не жарко, – согласился парень.

Они прошли в музей. Старик включил свет.

– Так что же конкретно вас интересует, молодой человек?

– Да всё, что и любого посетителя, – ответил ему парень.

– Ну, тогда начнём? – предложил старик.

– Да, пожалуй, начнём, – согласился гость.

– Говоря о «Титанике», – начал старик, – прежде всего надо избавиться от мифов и легенд вокруг этого лайнера. Он не был самым большим, и не был самым роскошным и быстрым. Это был обычный пароход класса «Олимпик», который имел двух братьев-близнецов. А ещё несколько лайнеров, поменьше размерами, почти в точности повторяли его. Послед-

ний из этой серии, пароход «Адмирал Нахимов», в прошлом «Берлин», был спущен на воду в 1925 году и погиб 31 августа 1986 года так же, как и его брат «Титаник», столкнувшись с сухогрузом в Чёрном Море, и унеся с собой 423 жизни. Также надо признать, что вопреки мнению многих обывателей, крушение «Титаника» не было самой масштабной катастрофой на море. Тремя годами позже, брат-близнец «Титаника», британский пароход «Лузитания» был торпедирован немецкой подводной лодкой. Погибли 1198 человек, пассажиров и членов команды. Это немногим меньше, чем на «Титанике». Не помогли даже 48 спасательных шлюпок на борту... «Титаник» порастил умы не тем, что он был плавучий дворец. В часы крушения погибло много тех, кто не должен был погибнуть, кто вполне мог бы быть спасён, но спасён не был. Трагедия произошла из-за средневековых предубеждений, согласно которым, жизни пассажиров Третьего класса, ввиду их финансовой несостоятельности оплатить дорогой билет, не представляли ценности. Катастрофа «Титаника» заставила совершенно по-другому посмотреть не только на морские катастрофы. Она заставила понять ценность каждой человеческой жизни...

Старик говорил, а гость его внимательно слушал и только в конце задал один единственный вопрос.

– Что, всё-таки, является символом катастрофы «Титаника»? Точнее – кто?

– Это, бесспорно, Сидней Лесли Гудвин, – указал старик на фотографию маленького ребёнка, – его подобрали моряки только через несколько дней после крушения. Разумеется, замёрзшего. Мальчика хоронили за счёт команды, собирая деньги на памятник по всему порту Галифакса.³

– А родственники?

В ответ, старик только посмотрел на гостя и опустил глаза.

– Понятно, – покачал головой посетитель, – а что его семья?

– Его семья погибла. Вы спрашивали о символе той трагедии? Так вот, истинная трагедия «Титаника» это не овдовевшая Мадлен Форс, которую знают как Леди Астор. Она, простившись с супругом, благополучно спаслась и вскоре вышла замуж. Кстати, – посмотрел на посетителя старик, – второй брак также не был последним в её жизни. Истинная трагедия «Титаника» это гибель всей семьи Гудвин из Третьего класса: матери, отца и шестерых детей. Там вряд ли кто успел проститься.

– Неужели все погибли? – спросил, немного помолчав, посетитель.

– Все, – ответил старик, – гениальный учёный, вынужденный работать в Англии простым электриком, его прекрасная жена и все эти дети.

– Да, это действительно трагедия... – посмотрел на фотографию семьи человек.

– У них просто не было шанса спастись, – сказал старик.

– Но почему? Ведь наверняка был такой шанс!

– Шанс был бы, – ответил старик, – если бы их семью не раскидали по разным каютам, в разных частях парохода. Родители, просто не успели отыскать детей.

– Откуда известны такие подробности? – спросил посетитель.

– Друг вот этого мальчика, Гарольда, Фрэнк Голдсмит⁴, – показал старик на сидящего в центре фотографии мальчика, – ехал вместе с ним в одной каюте. Он и его мать, Эмили Браун, смогли сесть в последнюю шлюпку. Фрэнк оставил после себя богатейшее наследие по истории «Титаника». Этот ребёнок, когда вырос, описал последние часы жизни семьи своего друга со всеми подробностями которые были ему известны.

– Фрэнк? Фрэнк Голдсмит? – переспросил посетитель.

– Да, – кивнул старик, – ведущий авторитет и бесспорный специалист в исследованиях «Титаника». Лучший в мире. Был. Он умер почти сорок лет назад.

– То есть, – уточнил посетитель, – семья погибла из-за нелепого стечения обстоятельств...

– Да, – согласился старик, – из-за нелепого стечения обстоятельств.

– А в какой области работал мистер Гудвин? – посмотрел на старика посетитель.

– Он был физик. И в своё время работал с доктором Теслой, – тихо ответил старик, – он представлял интересы этого учёного в Соединённом Королевстве. Область его исследований мне неизвестна. На этот вопрос уже вряд ли кто ответит, к сожалению.

– А мальчик, который в центре фото, это Гарольд? – переспросил, снова посмотрев на фотографию, посетитель.

– Да, сын Фредерика Гудвина, – кивнул старик в ответ, – Гарольд Виктор Гудвин. Он тоже погиб в ту ночь.

– Как?

– Вы хотите знать, как именно? Этого уже не узнает никто, – ответил старик.

– То есть ни потомков, ни родственников у них нет? – посетитель отошёл от фото и задумался.

– Откуда? – старик присел в кресло, стоящее под стенкой, – так, или иначе, нам удалось отследить судьбы всех сестёр и брата Фредерика Гудвина. Из наиболее близких к Фредерику Гудвину родственников, только две сестры и брат заслуживают внимания историков, занимающихся генеалогией великих личностей прошлого. У брата Фредерика Гудвина, Томаса, к которому семья ехала по приглашению, дела шли неплохо, пока не началась «великая депрессия». Его семье довелось хлебнуть немало горя и лишений, чтобы встать на ноги и лишь к концу 50-х годов вернуться в то состояние, в котором их предок находился в 1912 году. Сёстры, как вы понимаете, носили другие фамилии и... – он подумал, – две младшие сестры не пережили черты 10-х годов. В смысле, для истории, чтобы о них можно было что-либо говорить. Обычные семьи, большинство которых быстро забывают родство. Нет, они остались живы, но их следы теряются и биографии очень мало примечательны. Что касается двух старших сестёр, то сын одной из них, жившей в Англии, погиб в Первую Мировую, в самый конец войны, едва его призвали в армию. А его сын, который так и не узнал своего отца, в свою очередь был убит во время высадки англо-американских войск в Нормандии в 1944 году. Недалеко от того места, где в 1916-м был убит его отец. Фатально. К несчастью, своих детей у него не было. Дочка со своими детьми погибла во время бомбардировки Лондона немцами... А что касается второй, самой старшей сестры, то она вышла замуж за одного русского дворянина ещё в 19-м веке, жила под Харьковом. Счастливая семья, любящий муж, словно традиционно – шестеро детей. После известия о трагедии, произошедшей с семьёй брата, её парализовало. Следы этой сестры и её сыновей теряются после революции 1917 года. Известно, что её младший сын, Пётр, до 1912 года посещал Англию, и в частности, семью своего дяди, Фредерика. После событий 1917 года он воевал в Армии Колчака и в 1936 году был ещё жив. Пятеро остальных воевали в Гражданской Войне, кто за красных, кто за белых. Кто не погиб на фронтах – погиб в сталинских репрессиях, не оставив потомства. Внук, Николай, сын Петра, сгорел в танке в мае 1945 года, под Дрезденом. Там и похоронен на военном мемориале. Таким образом, с его смертью, память об этой семье исчезла из истории. И осталась только эта фотография, да ещё памятник малышу Сиднею на кладбище в Галифаксе, который стал памятником всем детям, погибшим на «Титанике».

– Печальная история, – произнёс, немного помолчав, парень.

Экскурсия закончилась поздно. Старик проводил гостя к выходу и подождал, пока тот не вышел со двора. За стальными воротами послышался гул завожасьего двигателя. Машина тронулась с места. Гул становился всё тише и вскоре исчез совсем.

Старик продолжал стоять на пороге.

– Тебя что-то беспокоило, папа? – подошла дочка.

– Да, дочка, – старик обернулся к ней, – позвони мистеру Гудвину. Скажи, что дело очень серьёзное. Он должен немедленно оставить всё и приехать сюда.

– Хорошо, – ответила дочка и вернулась в дом.

– Дочь, – остановил её старик, – звони только с моего смартфона, который в сейфе. С обычного телефона ты не дозвонишься...

После полудня, ближе ко второй половине дня, в дверь снова позвонили.

– Здравствуйте, – представился с порога высокий человек в старомодном кожаном пальто и шляпе, – вы мне ночью звонили и просили, чтобы я немедленно приехал. Моя фамилия Гудвин. И я так понимаю, что говорил с вами? – улыбнулся он дочери старика.

– Да, – удивилась она, – но папа сказал, что вы в Лондоне?

Гудвин говорил на прекрасном русском, без всякого акцента. Иностранца в нём было невозможно узнать, даже если очень этого захотеть. Манера держаться, говорить, лишь слегка выдавала человека из другой страны.

– Совершенно верно, – снял он шляпу и приветственно кивнул, – был, но как вы понимаете, миссис...

– Быстрицкая, – покраснев, ответила женщина.

– Миссис Быстрицкая, – кивнул он снова, – век научно-технического прогресса. Самолёт летит из Лондона всего шесть часов, с ожиданием в аэропорту. Как мне и было сказано, я бросил всё и немедленно ринулся к вам.

– Заходи, дружище! – показался старик.

– Здравствуйте, мой друг, – помахал в ответ рукой Гудвин.

– Заходи, – позвал его старик, – ты знаком с моей дочерью, Вероникой?

– Уже познакомились, – улыбнулся тот.

– Главное не шуми, внуки набегут и не дадут нам поговорить. Им в таком возрасте всё интересно, особенно гости в доме. А поговорить нам с тобой очень нужно, – сказал старик.

После чая, когда остались наедине, старик достал флешку и протянул её Гудвину.

– Вот, смотри. Остальное, я думаю, не стоит даже пояснять.

– Что здесь? – спросил Гудвин. – Это видеозапись с ночным посетителем нашего центра.

– И что в ней странного?

– Не в ней, а в нём. Тебе понравится, – ответил старик.

– Посмотрим. Гудвин достал планшет и вставил в него флешку. Посмотрев минуту, он остановил запись, приблизил изображение и обомлел.

– Но этого не может быть... Это бесспорно он! Шрам на щеке – это след от сорвавшегося с двигателя винта. Он заработал его второго апреля 1912 года в Фулеме. Но, он же погиб на «Титанике»!?

– Вот именно, мой мальчик, – указал старик на экран планшета, – всё было бы ничего, если бы это не был Эннис Гастингс Уотсон, задающий вопросы, которые для всех погибли вместе с ответами, на «Титанике» в 1912 году, и чудесно сохранившийся для своих 125 лет...

НАШИ ДНИ; САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Уильям Сейдж приехал в Россию по очень странному приглашению. Оно было странным само по себе, неожиданным, и в нём не было ничего конкретного. Обычно, на такие приглашения не отвечают, но почему-то Уильям Сейдж сразу же заказал билет и выехал в аэропорт. И уже через несколько часов сходил по трапу в аэропорту Санкт-Петербурга. Единственное, что он понял из письма, это то что его ждут и прибыть надо незамедлительно, что пригласившие его – друзья, а его личное присутствие крайне важно, просто необходимо. И всё это не требует отлагательства.

Кто его ожидал? Этого Уильям Сейдж не знал.

– Рад Вас видеть, мистер Сейдж, – подошёл к нему в аэропорту старик, хотя и достаточно пожилой, но довольно бравый, подтянутый и по-молодецки живой. В лице, осанке и взгляде старика Уильям Сейдж угадывал нечто до боли знакомое, но также и до боли далёкое. Он попытался вспомнить, но не смог где и при каких обстоятельствах он раньше уже видел этого старика.

– Мы были знакомы с Вами раньше? – не вспомнив ничего, наконец, решился спросить Сейдж.

– Не трудитесь вспоминать, пожалуйста свою память, – ответил ему, улыбнувшись, старик, – лично с Вами мы ни разу не встречались, никогда, хотя обо мне Вы много раз слышали. Здесь, в России, меня зовут Карл Быстрицкий. Я старый моряк и старый исследователь гибели лайнера «Титаник», и специалист по другим морским катастрофам, консультант тех кто занимается расследованиями в этой области. Но, пожалуй, нет на свете человека, которому бы «Титаник» был роднее чем мне.

Старик снова улыбнулся.

– В молодые годы мы были очень дружны с Вашим дедом, а после мы дружили с Вашим отцом, мистер Сейдж. И, в том числе поэтому, я рад Вас видеть.

– Я много раз слышал о Вас от своего отца, мистер Быстрицкий, – ответил Сейдж, – но я до сих пор не могу понять причины того, почему я должен был так внезапно бросить всё и приехать в Россию.

– Причина важная, мистер Сейдж, – сказал старик, – она любого из нас выдернет куда угодно, где бы мы не находились. Это «Титаник», а если быть более точным, это ночь с 14 на 15 апреля 1912 года.

– «Титаник»? – удивился Сейдж, – но... «Титаник» и Россия...

– Они больше связаны между собой, чем многим хотелось бы, – кивнул в ответ старик, – я пригласил Вас потому, что Ваши родственники были пассажирами во время того единственного рейса. И надеюсь, они не забыты Вами, мистер Сейдж?

– В нашей семье принято помнить всех, – ответил Сейдж, – там никто не выжил, – уточнил он.

– Я знаю, – кивнул старик, – нас всех связывает одна и та же трагедия. Я думаю, что лучше если мы поедem ко мне домой и дождёмся ещё одного человека.

– Благодарю Вас за приглашение, – кивнул Сейдж, – а кого мы, если не секрет, должны дожидаться?

– Мистера Гарольда Виктора Гудвина, – ответил старик.

– Гудвина? – удивился Сейдж, – он родственник той самой погибшей семьи? Насколько мне известно, из них тоже никто не выжил и родственников, по крайней мере близких, у них не осталось.

– Это не совсем так, – улыбнулся старик, – эти слухи изначально были слегка преувеличены. Мистер Гудвин прибывает ближайшим рейсом из Лондона, но он не очень любит когда его встречают в портах. В том числе и в аэропортах.

– Человек с претензиями? – усмехнулся Сейдж.

– Тяжёлые воспоминания из детства, – улыбнулся старик...

...Уильям Сейдж был исследователем, как и его отец. И пытался докопаться до истины, чтобы восстановить справедливость, как и его дед. Он продолжал расследование начатое 106 лет назад и продолжающееся по сей день. Но шли годы. И истина отдалялась всё дальше и дальше, а вопросов становилось всё больше и больше. Благородный порыв призвать виновных к ответу, со временем превратился в семейную традицию. И Уильяму Сейджу начинало казаться, что ни он, ни его дети, ни его внуки ещё не родившиеся, никогда не увидят торжества той самой справедливости, за которую начинал бороться ещё прадед. Сейдж начинал понимать, что имена виновников гибели его родных никогда не будут названы.

Со временем, ему стало ясно, что он превратился в обыкновенного коллекционера. И разочаровавшись в том, что он делал, Сейдж начинал подумывать, что из него вышел бы неплохой писатель. Этим он и планировал заняться остаток своей жизни.

Уильям Сейдж грустно взирал на тысячи фотографий в альбомах и на стенах своего дома, полки, на которых были сложены папки и ящики с документами, и молча перелистывал страницы томов исписанные мелким почерком: свидетельства, показания, снова рассказы очевидцев... Может быть поэтому, письмо из Петербурга, от этого старика, показалось Уильяму Сейджу проблеском последней надежды в мрачном туннеле безысходности, лабиринте без выхода.

Старик был прав. Название «Титаник» это было единственное, что могло заставить Сейджа нырнуть даже в могилу самого «Титаника», на дно Северной Атлантики, туда где нет ничего живого, а не только умчаться на край света, в чужую страну в которой никогда раньше не был...

В этом Сейдж был похож на очень немногих, кто за столетие не сложил рук.

– Я думаю, Вам понравится наше предложение, мистер Сейдж, – вёл машину по заснеженной трассе и одновременно говорил старик, не глядя на Сейджа, – пожалуй, очень многие хотели бы иметь такую возможность.

– Возможность? – удивлённо посмотрел на старика Сейдж, – то есть речь идёт не просто о какой-то находке?

– Не просто, – кивнул старик, – нам в этом здорово помог оригинал дневника Эдгардо Эндрю. Я думаю, он Вас тоже заинтересует.

– Как он у Вас оказался? – спросил Сейдж.

– Мой друг! – рассмеялся старик, – Вас, может, и не поразит мой музей, но многое в нём может удивить!

Старик улыбнулся и, первый раз за всё время в машине, глянул на Сейджа.

– Мистер Гудвин расскажет и покажет гораздо больше.

– Почему я никогда не слышал о нём? – спросил Сейдж, переведя взгляд на дорогу.

– Думаю, что он сам этого не хотел, – ответил старик так же сосредоточившись на дороге, – хотя он постоянно посещает встречи потомков тех кто выжил, и родственников тех кто не выжил, и не пропустил ни одного мероприятия посвящённого «Титанику», он никогда не представлялся своим именем. Лишние вопросы, лишние ответы, лишнее внимание, знаете ли. А особенно лишнего внимания – он очень не любит. Он больше слушает, наблюдает. Он это не я, который даже в советское время, как тут в России называют эпоху СССР, много раз ездил в США, Великобританию, Канаду, встречался с Фрэнком Голдсмитом и провожал в последний путь старину Джозефа Боксхолла. С ними я был очень дружен!

– Искренне завидую Вам, – улыбнулся, посмотрев на старика, и кивнул в ответ Сейдж, – а я о них только слышал от отца.

– Ну, не так уж и только! – рассмеялся старик, – на Вашем первом в жизни причастии Вас держал на руках Фрэнк Голдсмит, если мне не изменяет память? Правда, тогда Вы были совсем маленький. И получается, что от семьи Гудвинов, и от всех Ваших двоюродных дедушек и бабушек, которые так и не стали ни чьими отцами, матерями, дедушками и бабушками, от их родителей, Вас отделяет всего лишь одно единственное рукопожатие. И от «Титаника» Вы находитесь всего лишь в одном единственном шаге. И ответы на все вопросы находятся совсем рядом, даже ближе чем Вы думаете. Просто не все видят эти ответы. А некоторые и не хотят, чтобы их видели. Ведь если внимательнее присмотреться к тому, что нас окружает, то можно увидеть целый мир зовущий нас, даже по именам. Этот мир мы несправедливо считаем исчезнувшим. Ведь большинство из нас просто не готовы понять, что он живой, такой же реальный как и мы с Вами. И даже более того. Многие просто не хотят его принять и хотели бы, чтобы все верили в то, что он действительно «исчез».

Машина остановилась около высоких железных ворот. Ворота открылись и старик загнал её во двор.

– Добро пожаловать ко мне в гости, мистер Сейдж, – остановил старик машину, заглушил двигатель и посмотрел на Сейджа...

...Гудвин появился меньше чем через час. Едва войдя в зал музея, он улыбнулся Сейджу, подошёл и подал ему руку.

– Моё почтение, мистер Сейдж, – кивнул он, – Гарольд Гудвин.

– Очень приятно познакомиться с Вами, мистер Гудвин, – пожал ему руку Сейдж, – я так понимаю, Вы Гарольд Гудвин – второй? – переспросил он.

– Нет, – ответил Гудвин, – на сегодняшний день первый, и единственный.

– Понимаю Вас, – кивнул Сейдж, – очевидно утрата для нас всех незабываема даже черед столетие, что Вас называли этим именем?

– Верно, мистер Сейдж, – сказал Гудвин, – есть те, о ком нельзя забывать.

– Джентльмены, – прервал их беседу старик, – мне кажется, нам уже можно пройти к доктору Симховичу, чтобы не терять понапрасну время и успеть к вечернему чаю. Ты готов, Гарри? – положил он руку на плечо Гудвину.

– Всегда, старина, – ответил Гудвин усмехнувшись и снова посмотрел на Сейджа, – успеем пообщаться, мистер Сейдж. В начале, лучше займёмся делом. Нам многое предстоит решить.

– А кто такой доктор Симхович? – спросил Гудвина Сейдж, но ему ответил старик.

– Доктор Симхович – физик, учёный, раввин, и просто хороший человек. Он ждёт нас в лаборатории музея...

...Лаборатория находилась на заднем дворе. Это была двухэтажная постройка напоминающая бетонную коробку, первый этаж которой уходил в землю и поэтому она казалась меньше дома.

Старик провёл всех вниз и Сейдж увидел, что первый этаж был на самом деле огромным ангаром, светлым и просторным, с белыми стенами. Из-за белого пластика стен, ангар казался не просто светлым. Тут было ярко, что даже утомляло глаза.

– Гарри, привет! – махнул Гудвину рукой человек лет тридцати, в белом халате, вышедший навстречу из глубины ангара.

– Здорово, Михаэль, – поравнявшись с ним обнял его Гудвин.

– Я вижу, ты совсем местным стал? – улыбнулся Гудвин Симховичу.

– Да ну брось, Гарри, – протёр запотевшие очки Симхович, – я всю жизнь мечтал заниматься своим делом, без перерыва на молитвы и шаббат, и не сравнивать результаты своих исследований с теилим.

– Слышал бы это наш дедушка! – усмехнулся ему Гудвин.

– Наш дедушка и благословил нас на то, чем мы тут с тобой занимаемся, – ответил, так же улыбнувшись, Симхович, – и кстати, как его здоровье?

– Дедушка передавал тебе привет и просил сообщить ему как пройдут испытания, – сказал Гудвин, – он очень хотел бы своими глазами увидеть то, о чём он только слышал всю свою жизнь.

– Скажешь ему, что это будет очень скоро, – Симхович улыбнулся, кивнул и посмотрел на Сейджа.

– Мистер Сейдж, я так полагаю? Я доктор Михаэль Симхович, и надобно сказать, что это именно я настоял, чтобы Вы приехали в Россию и приняли участие во всём, что тут произойдёт.

– Польщён вниманием, – пожал руку Симховичу Сейдж, – а чем вызвано это внимание ко мне?

– Это долго рассказывать, поэтому я предлагаю пройти к машине, чтобы вы всё увидели своими глазами, – ответил ему Симхович и пригласил всех в глубину ангара.

Машина, о которой сказал Симхович, оказалась небольшой камерой стоявшей у стены. Внутри камеры находились несколько капсул. Они напоминали капсулы для сна. Внутри камеры горел очень яркий свет, а сама она была заперта и открывалась только снаружи.

– Вот наша совместная работа, джентльмены, – восхищённо указал на камеру Симхович, – мы собрали её и она работает! Это гениальное изобретение для... – посмотрел он на Гудвина, – для начала XX века, не правда ли?

– Вы хотели сказать XXI-го? – поправил его Сейдж.

– Нет, – ответил Симхович, так же восхищённо улыбаясь, – именно XX-го!

Он глянул на камеры, затем снова посмотрел на всех.

– Комплектующие и дизайн, джентльмены, несомненно современные, – Симхович поправил очки, – но все разработки принадлежат началу прошлого века. Интересно другое, что собрать её можно было исключительно в нынешних условиях. И остаётся загадкой как и откуда им, жившим тогда, стали известны некоторые открытия наших дней. Но оставим этот вопрос на потом. Работа над этой машиной, и её первые ходовые испытания были завершены в начале 1912 года, уважаемым доктором Фредериком Джозефом Гудвином, – посмотрел он на Гудвина, а затем на Сейджа.

– Я не ослышался? – удивился Сейдж глянув на Гудвина, – вашим родственником погибшим на «Титанике»? Но он же был простым электриком!?

– Нет, – вмешался в разговор старик, – доктор Гудвин был ещё и гениальный учёный, и успешный коммерсант. Он ремонтировал электроприборы, машины, принимал заказы как простой электрик и даже принимал участие в строительстве «Титаника». Освещением судна ведь занимался именно он. На «Титанике» была испытана система плавких предохранителей, которая используется сейчас повсеместно. Это изобретение гения Фредерика Гудвина. Другое дело, что происхождение и религиозная принадлежность не давали ему возможности работать в Британии легально, заниматься физикой, а не поломанными велосипедами. Потому он и покинул Англию и погиб, вместе со своей супругой и почти всеми детьми. И то что перед Вами сейчас, мистер Сейдж, есть ни что-иное, как самое великое изобретение доктора Фредерика Гудвина. Правда, Михаэль и Гарри всё-таки внесли некоторые коррективы, – уточнил он, – наука ушла вперёд и нам сейчас известно многое из того, чего не было известно доктору Гудвину в начале прошлого века.

– Почти всеми детьми? – удивился Сейдж, – но ведь все его дети погибли!

– Нет, – покрутил головой старик, – выжил один из его сыновей, а именно Гарольд. Больной, ослабевший, с тяжелейшей душевной травмой и заново учившийся ходить, но выжил и стал человеком.

Старик подумал.

– Я полагаю так, что нам лучше обсудить это за чашкой чая. Доктор Симхович нас пригласил не для того, чтобы мы вспоминали прошлое, а для того чтобы мы его увидели воочию. Так что, Вам слово, доктор Симхович, – кивнул старик Симховичу.

– Спасибо, – улыбнулся Симхович, – я предлагаю Вам, мистер Сейдж, испытать эту машину. Нет никакой опасности для здоровья и жизни, я Вас уверяю. Она работает по принципу томографа в клинике и в случае неудачи Вы просто полежите пятнадцать минут в одной из этих капсул, – указал он на камеру.

– А в случае удачи? – спросил Сейдж.

– Это в начале будет как сеанс гипноза, – улыбнулся Симхович, – Вы впадёте в состояние напоминающее гипнотический сон. Тут пройдёт не более пятнадцати минут, а там...

– Там? – перебил его Сейдж.

– Да, там, – кивнул в ответ Симхович, – в том промежутке пространства-времени, в той реальности частью которой Вы станете, может пройти вся Ваша жизнь. Вы там можете составить, увидеть своих внуков, правнуков и... – Симхович подумал, – второго себя. Точкой возвращения является смерть в том времени.

– Времени? – подошёл к камере Сейдж и заглянул в неё, – или, всё же, гипнотранса?

– Времени, – уточнил Симхович, – это не гипнотранс и не гипнотический сон. В состоянии гипноза невозможно видеть обычные сны, когда засыпаешь, так сказать, «там». Засыпание в состоянии гипноза является сигналом к просыпанию, возвращению в реальность. В нашем случае, как пишет доктор Гудвин, описывая принципы работы машины, точкой возврата сон, или кодовое слово, не являются. Но эту точку можно установить заранее.

– Так что это за машина? – спросил Сейдж.

– Это одна из моделей машины времени, о которой знают спецслужбы, но к которой они лишь мечтают получить доступ, – ответил Симхович, – и только одна из спецслужб смогла создать прототип её другой модели. Это РСХА, в гитлеровской Германии. Но их эксперимент, если это был, конечно, эксперимент, очень удачно провалился не без участия Гарольда, сына доктора Гудвина. В 1937 году он лишил их всего архива мадам Марии Кюри. А ведь именно в нём и находились ключевые разработки доктора Гудвина! Их лишили нацисты – и их получили мы!

– Одна из моделей? Их несколько? – не понял, удивившись, Сейдж.

– Да, именно, несколько! – кивнул Симхович, – и я обещаю посвятить Вас в подробности своей работы, если не будет возражать мистер Лайтоллер.

Симхович посмотрел на Сейджа сквозь очки.

– Лайтоллер? – удивлённо глянул на старика Сейдж, начиная понимать почему старик показался ему настолько знакомым, – Вы удивительно похожи на Второго Офицера Лайтоллера. Вы его родственник? Судя по возрасту – племянник?

– Родственник, – ответил старик, – но давайте мы ответим на эти вопросы после дела, если Вы не против?

Он подошёл к камере и положил руку на дверь.

– Первое, что нужно знать, мистер Сейдж, – сказал Лайтоллер, – что происходящее будет не сон, а реальность. Порезете палец – будет больно. Просто Вы будете видеть всё глазами Энтони Уильяма Сейджа, несчастного мальчика погибшего на «Титанике» в ту ночь. Вы хотите спросить почему Вы, и почему он? На это есть две причины. Первая, потому что он Ваш родственник, очень близкий. И я думаю, что так было бы лучше для Вас, и удобнее. И во-вторых, потому что ничего нельзя менять. По крайней мере нельзя менять до тех пор, пока мы не най-

дём ответы на все интересующие нас вопросы. И на самый главный вопрос: кто и зачем это сделал? Ну, и в конце-концов, насколько мы обладаем информацией, на «Титанике» Энтони был как-то связан с семьёй Гудвинов. Правда, мы не знаем как именно, но это Вы и выясните и для нас, и для себя.

Лайтоллер отошёл от машины и подошёл к Сейджу.

– В двенадцатилетнем возрасте Вы ничего не сможете изменить. И хотя Вы будете всё осознавать, помнить всё что связано с Вашей жизнью здесь, знать будущее, двенадцатилетнему мальчику будет невозможно вмешаться в ход истории. Есть ещё один момент который Вы должны знать. Вы будете помнить всю жизнь Энтони Сейджа которую он прожил до момента вашего перемещения. Вам добавится память Энтони. Поначалу будет очень тяжело. Но потом Вы привыкнете. Страх, боль, радость, в общем всё что связано с ним, с Энтони Уильямом Сейджем, всё передастся Вам. С этим багажом памяти Вы и вернётесь сюда. Можно, конечно, сказать, что с Вами вместе сюда придёт Энтони, и продолжит свою жизнь уже в Вашем теле. Только здесь главным будете Вы. Далее: там, как я уже сказал, личность Энтони будет подавлять Вашу. Вы инстинктивно начнёте вести себя как ребёнок, хотя осознание событий будет как у взрослого человека. Ваша память останется вместе с Вами. Но всё равно, там, в том времени, главный он, а не Вы. Ну, и самое главное, учитывая то что Вы будете знать всё наперёд, не надо пытаться предотвратить катастрофу. Вам это не удастся. Невозможно изменить то, что должно произойти. Мы это уже проверяли, поверьте. Это лишнее. Сосредоточьтесь на том, как вытащить оттуда Энтони и, по возможности, всю его семью. У Вас будет шанс. Результат будет зависеть только от Вас.

– Я не хотел бы погибать, – подумал Сейдж, – я думаю, история не сильно изменится если я выберусь с «Титаника» и помогу вытащить хоть кого-то из своей семьи? Или кого-то другого?

– Как знать, как знать, – покачал головой Лайтоллер, – если бы было всё так просто, то я бы вернулся туда и заставил бы Мёрдока и Уайлда сбавить ход до десяти узлов, чтобы мы могли тогда сманеврировать. Потом бы раздавили с ними бутылку крепкого рома и успокоили нервы, – посмотрел он на Сейджа.

– Почему? – спросил Сейдж, – почему Вы не исправите ошибку Вашего родственника?

– Историю не изменить, – ответил Лайтоллер, – как не пытаться её менять, она не изменится. И время заберёт своё. Если в дверь должен войти один человек – то войдёт только один человек. Если из неё должны выйти двое – то выйдут только двое. И если суждено умереть одному, то и умрёт только один.

– А если полутора тысячам, то... – посмотрел Сейдж на Лайтоллера.

– Время заберёт полторы тысячи, – кивнул Лайтоллер, – если Вы избавите от мучительной смерти в ледяной воде Энтони, то время заберёт другого, взрослого, ребёнка, старика. И неизвестно кто это будет. Просто вы решите теперь, будет это Энтони или кто-то другой, неизвестный вам человек.

– Ладно, – положил руку Сейджу на плечо Гудвин, – встретимся на «Титанике».

– А как я узнаю Вас, мистер Гудвин? – спросил, посмотрев на него, Сейдж.

– Я сам Вас найду и не думаю, что будет ошибка, – усмехнулся Гудвин, – на «Титанике» был только один Энтони Сейдж и только один Гарольд Гудвин.

– Пора, джентльмены, – поторопил их Лайтоллер, – и да поможет нам Бог...

Глава 2

АНГЛИЯ; МЕЛКШАМ; ЛЕТО 1911 ГОДА

– Нет! Не хочу! – плакал Гарольд, стоя на мостке старой водокачки, который возвышался над водой аж на два метра.

– Прыгай! Давай! Ну! – звал его из реки старший брат Чарли, а Уильям, второй старший брат, только удивлённо смотрел как Гарольд то подступает к краю, то отходит назад дрожа и губами, и коленками и вообще весь, от страха.

– Ты чего боишься? – закричал Чарли.

– Я боюсь... я ударюсь... я не хочу... – начал перечислять все причины, чтобы не прыгать в воду Гарольд, глядя вниз.

– Тут же не высоко!

– Нет... высоко... – дрожа в голосе ответил мальчик.

– Ой ты... – поплыл Чарли к берегу.

– Я утону... – чуть слышно прокричал Гарольд ему вслед.

– Что??? – рассмеялся Чарли и встал. Воды было меньше чем по пояс, – тут даже кошка не утонет!

– Мыыыы... – заплакал Гарольд, представив как тонет кошка.

Он развернулся и потопал на берег.

Чарли вылез из воды и начал собирать разбросанную на берегу одежду.

– Ты воды боишься как огня, – одеваясь смеялся Чарли над стоящим рядом Гарольдом, который то тупо смотрел в землю, то отворачивался, чтобы не глядеть в глаза братьям.

Вылез Уильям и ехидно улыбнувшись заглянул в лицо Гарольду.

Мальчик отвернулся, но Уильям словно преследовал его лицо.

– Ой, девочка Гарри! – смеялся Уильям, – вы только посмотрите! Мы боимся водички! Нам страшно прыгать с мостика! Мы можем удариться и будем плакать!

– Сам ты! Ты..! Ты сам девочка! – закричал обиженно Гарри, схватил свою одежду и гордо направился в ближайший лесок.

– Штаны не забудь одеть, когда домой пойдёшь! – крикнул ему, хохоча вслед, Уильям.

Гарольд остановился, развернулся, показал брату язык и пошёл дальше своей дорогой.

В леске он оделся и решил домой идти сам.

Нахлобучив кепку на самые глаза, Гарольд, высоко задрав нос, рассматривал из под козырька дорогу. Внезапно его внимание привлёк огромный обрыв над рекой...

Он подошёл к обрыву и посмотрел вниз. Внизу была грязь, пара огромных луж и много всякого интересного.

– Я покажу им! – сказал сам себе Гарольд, решив что сейчас он проверит, боится он высоты или не боится.

Встав на четвереньки мальчик долго рассматривал, что же там такого внизу. Потом развернулся задом в сторону обрыва, уцепился руками за траву, ногой нащупал небольшой выступ, на который можно было встать чтобы не сорваться. Потом поставил туда же вторую ногу и медленно, держась руками за траву, начал спускаться вниз.

Сердце в груди ёкнуло и тревожно забилося. Гарольд понял, что не удержится. Он повис над обрывом медленно сползая вниз...

На дороге показались Уильям и Чарли.

– Э... – хотел их было позвать Гарри, но подумал, что может опозориться ещё больше чем на речке.

– Гляди! – закричал Уильям увидев Гарольда, едва державшегося на обрыве.

– Ох... мама моя... – прошептал Чарли и мальчишки бросились на помощь Гарольду.

– Уйди! – закричал Гарри.

– Ты что тут делаешь!? – спросил у него Чарли, остановившись перед самым обрывом.

Он наклонился чтобы схватить брата, но в этот миг трава сама вырвалась с корнями из земли и Гарольд полетел прямо в огромную лужу...

– О нет! Гарри! – закричал Уильям готовый броситься за братом, но Чарли не дал ему этого сделать.

– Свинтус! – крикнул он Гарольду вслед, увидев что тот влетел в самую грязную лужу и поднялся вест в тине, ряске и чёрной-пречёрной грязюке, посмотрев вверх на братьев...

– А ты бутылка! Вот ты кто! – не найдя других слов от обиды и досады крикнул в ответ Гарри, гордо стоя по колени в грязи...

Домой его привели под руки, зарёванного, но с гордо поднятой головой.

Августа потеряла дар речи увидев сына. Джесси, сестрёнка Гарольда, потеряла дар речи следом за ней, а маленькая чёрненькая собачка, бегавшая во дворе, до сих пор лаяла не веря что это и есть Гарольд.

– И что это, с позволения сказать, за представление? – тихо спросила у сыновей Августа, – как мне показалось, вы попросились купаться на речку, а не на болото? И почему вы трое напоминаете трубочистов?

– Этот... – отпустил Чарли Гарольда и ткнул ему в кепку пальцем, – купаться не захотел, а сиганул с обрыва прямо в болото! Его пришлось вытаскивать!

– Они называли меня девочкой! – заплакал Гарольд.

– А кто ты есть! Ты боялся прыгнуть с мостика в воду! – начал кричать в ответ Уильям.

– А вот и не боялся! – громко возразил Гарольд ему.

– Боялся! – не унимался брат.

– Не боялся! – он посмотрел на Августу, – а ещё они сказали что я боюсь!

– Боишься! Боишься! – дразнил его Уильям.

– Тихо! – прикрикнула Августа, – подите в дом, – приказала она Уильяму и Чарли и посмотрела на Джесси.

– Принеси брату переодеться, – сказала она Джесси и глянула на Гарольда.

– Что это было?

– Я доказал им, что я не трус, – пробурчал Гарольд, отвернувшись.

– Ты доказал, что ты поросёнок! – высунулся, громко рассмеявшись, из-за угла Уильям и тут же спрятался.

– Вот видишь, мамочка! – заплакал Гарольд, – они смеются надо мной! А я не хочу прыгать в воду! Она – холодная!!! – крикнул он трагическим голосом.

Августа вздохнула и аккуратно, взяв двумя пальцами за козырёк, сняла с сына кепку и бросила её на пол.

– Снимай всё здесь и марш в ванную... – вздохнула она, – и чтобы это было в первый и последний раз. Прощу тебя, Гарри.

Гарольд вздохнул, молча снял с себя пиджак и небрежно бросил его на пол. Затем вытащил полы рубахи из штанов. На пол полилась грязная жижа... Именно в этот момент, вниз по лестнице, со второго этажа спустился папа. Он молча, с ног до головы рассмотрел чумазого как сам чёрт Гарольда.

– Купались? – спросил папа с невозмутимым спокойствием в голосе?

– Купались, – вздохнул Гарольд и громко разрыдался...

Молча оценив всю комичность ситуации, в которую попал его младший сын, Фредерик направился к себе в мастерскую...

Старенький домик из красного кирпича, аккуратно заштукатуренный жёлтым мелом, стоял в самом конце улицы. Он назывался Дом Уотсона⁵, как и квартал где жил Гарольд со своей большой семьёй: папой, мамой, братьями, сёстрами... Кто такой был этот Уотсон, и как его звали, и когда он жил, Гарольд не знал. Хотя мальчику это было очень интересно.

Перед домом, за невысоким забором, раскинулся маленький палисадник. В этом маленьком палисаднике рос большущий абрикос и маленькая, тоненькая вишня. А ещё цветы жёлтые, цветы красные, просто цветы...

Абрикосы не растут в Англии. Но этот прижился. Неизвестно откуда он взялся, и кто его посадил возле дома. Эту тайну знал только абрикос...

Узенькая улочка вела от дома к другому дому, большому, с аркой. А через эту арку можно было выйти на главную улицу города. В этом большом доме был салон и швейная мастерская, в которой работали мама и сестра. Это была их мастерская. К ним постоянно приходили заказывать новые платья, шляпки, сумочки. Всё чаще к свадьбе. Поэтому и салон называли свадебным.

А на самой улочке, прямо друг напротив друга, были два огромных сарая. В одном отец Гарольда оборудовал себе лабораторию, а в другом ремонтировал велосипеды и даже собирал мотоциклы... Там было много интересного, постоянно пахло керосином и дымом. Гарольд не любил мастерскую. В мастерской вечно что-то шумело, гудело, сверлило, что хоть уши затыкай.

А вот сбоку от дома было деревянное крылечко. Через эту дверь никогда и никто не входил в дом. И не выходил из него. Всегда ходили через другие двери, через кухню. Поэтому Гарольд давно облюбовал это крылечко для своих игр. И дом казался очень большим, просторным и уютным.

Так казалось Гарри. Ведь он был ещё маленький. Точнее – когда он был совсем маленьким. А когда начал подрастать, то дом становился меньше и меньше. И Гарри всё больше и больше времени проводил, играя в садике, прямо перед тем самым деревянным крылечком, где в друзьях у него был старый садовый гном, узенькая лавочка и какая-нибудь книжка. А книжек было много. Они стояли в огромном старом шкафу, перешедшем в собственность к Гарри от папы...

Нет, нет! Папа был жив и здоров, как вы поняли! И он даже не догадывался, что Гарольд считает всё это достояние своим...

Коротко о самом Гарри. Ему было девять лет. Спокойный, слегка важный и серьёзный молодой человек. Он старался быть аккуратным, что у него не всегда получалось. И всегда переживал, когда над ним смеялись. Тогда жизнь была потеряна и он очень стеснялся выходить из детской.

Гарольд был не темный и не светловолосый, сероглазый и совсем не похож на своих братьев, папу, маму и сестёр. Наверное, он единственный из семьи был не похож на всех остальных. Это породило кучу сплетен в Эдмонтоне, в городе, где раньше жила его семья, и слухи докатились до Мелкшама, после того, как папа тут купил дом. Это дало повод бабушке, папиной маме, выговаривать маме Гарольда разные гадости. Но он всё равно любил бабушку. Но ещё больше он любил маму.

Гарольд, собственно и поэтому тоже, предпочитал «гулять» на лавочке, а не с мальчишками. Тут он постоянно перелистывал страницу за страницей то у одной, то у другой огромной книжки с цветными картинками. Это считалось, что он читает. Хотя он читал и перечитывал по несколько раз всё то, что ему попадалось под руку. Он знал на память всех великих рыцарей Круглого Стола, мог рассказать без подсказки о каждом из них, об их подвигах, о короле Ричарде Львиное Сердце и подвигах Робина Гуда. Даже выдумывал новые подвиги и прослыл величайшим фантазёром на всей улице.

Правда, учитель в школе сказал, что из Гарольда получится или знаменитый писатель, или большой лодырь.

С последним был согласен и сам Гарольд, и папа, и мама, и старший брат Чарльз, и старшая сестра Лилли, и даже Джесси, которая была всего на год старше своего братишки. Про Уильяма вообще не хотелось даже думать. Он, то понимал Гарольда, то смеялся над ним. Ну, во всяком случае Уильям не рассказывал папе, что Гарольд лазит к нему лабораторию, где было ещё больше интересного, чем в библиотеке. Потому что всеми этими проводками и непонятными штучками со стрелочками за стеклом, и без стрелочек, Гарольд с удовольствием делился с самим Уильямом.

Но почему-то никто не считал, что из Гарольда получится писатель. Кроме самого Гарольда...

А вот папа никого не слушал. Гарольд у него был самым любимым сыном. Потому что когда Гарольд родился, как говорили тётушки Гарольда, папины сёстры, то был вылитый папа! И Гарольд это знал!

«Бумагомарака». Так его в шутку называл папа, и подарил ему настоящую печатную машинку, оставшуюся от дедушки. Дедушка, как и раньше мама Гарольда, был учителем, он содержал свой пансион для мальчиков, под Эдинбургом. В этом же пансионе когда-то учился и папа. Мог бы учиться и Гарольд, и Уильям, и Чарли. Но получилось так, что ещё до рождения Гарольда папа и мама уехали из Шотландии. И про Шотландию Гарри знал только по рассказам своих родителей.

После смерти дедушки осталось много интересного. В том числе и эта печатная машинка. Её прислали вместе с книгами и бумагами. И теперь Гарри неумело, осторожно, стучал по клавишам, представляя, что пишет книги. Хотя все его книги были детскими сказочками. Он их прятал в стол, и только «по большому секрету» читал маме. Мама его ласково называла поэтом, в душе гордясь Гарольдом, уже представляя его знаменитым, когда сын вырастет.

А вот Чарли над ним смеялся. Не злобно, по братски. Но Гарольд краснел, и ему бывало по-настоящему стыдно. И как тут не будет стыдно? Возьмётся Гарольд скамеечку починить, замечтается, задумается и ещё больше поломаёт, да ещё молотком себе все пальцы отобьёт! Попросит его мама посуду помыть, так и чашки с тарелками все грязными останутся, и вода по всей кухне, хоть кораблики запускай. А если Гарольд принимал участие в мытье полов в доме, то можно было кричать «Караул!», потому что там где прошёл Гарольд со шваброй, полы нужно было не просто перемывать, а сушить, да ещё оттирать грязные следы от башмаков Гарольда. И приблизительно по этой же причине, ему никогда не доверяли уборку даже в детской. Ну не мог он понять, что распихивать по углам вещи и игрушки это не наведение порядка! Всё у него было из лучших побуждений, а получалось так, сяк да наперекосяк! Вот Чарли и говорил, что у Гарольда руки-крюки, и не из того места растут. Гарольд обижался, потому что руки у него росли из того места, и он очень хотел уметь мастерить, чинить, быть прилежным, аккуратным, но никто не хотел его учить этому. Мама то понятно, она просто любила Гарольда и сдувала с него пылинки. Папа, если не в отъезде, то запирался у себя в мастерской на целый день, а Чарли с Уильямом больше хихикали над младшим братишкой, а с их смешками да усмешками Гарольд просто не хотел чтобы они его чему-то учили.

Коротко о Чарли. Это старший брат Гарольда. Серьёзный и важный, но в душе остававшийся ребёнком. Чарли самому ещё хотелось играть с младшими братьями, но он заставлял себя этого не делать. Ещё бы! 14 лет! Совсем взрослый!

Гарольд боялся его, но очень любил. Боялся не потому, что Чарли мог его обидеть, а боялся опозориться перед старшим братом. А любил так, что старался во всём походить на Чарли. И если куда надо было идти, то без Чарли... В общем, не любил Гарольд где-то появляться без брата. Он гордо ходил за ним в школе, на улице... впрочем, на улице Гарольду было более скучно, чем кому-то другому.

Гарольд жил в своём мире, который был очень не похож на тот, что его окружает. И тут, в садике, было то самое место, где Гарольда редко кто находил, даже если очень этого хотел.

А ещё, папа сделал Гарольду настоящий дорогой подарок. К школе. Настоящий фотоаппарат, с которым мальчик теперь никогда не расставался. Ему казалось, что он никогда с ним не расстанется. Даже если в фотоаппарате не будет плёнки. А плёнка у Гарольда была, хотя и не часто. Это было дорого, поэтому мальчик чаще просто носил на плече свой подарок, и только уж если очень было нужно, тогда фотографировал. Чарли его научил эту самую плёнку заряжать, а вот насчёт всего остального... в общем, фотокарточки печатать у Гарри не получилось с первого раза. Теперь он часами ждал когда Чарли и папа, в тёмной-тёмной комнате, доведут до совершенства его творения.

Потом родился ещё и Сидней, и жизнь пошла совершенно по другому... Рождение младшего брата было долгожданным, но вот всё что за этим последовало, перевернуло жизнь Гарольда. Он очень любил маленького братика. Но ещё больше – очень любил поспать. По утрам. Особенно когда нужно было идти в школу. А с малышом, который теперь просыпался раньше всех, случайно школы не пропустишь!..

...Фредерик только что пришёл в мастерскую и готовился заняться разбитым велосипедом, когда услышал, что к нему пришёл посетитель. На самом входе стоял не кто-нибудь, а секретарь мэра города.

– Здравствуйте, мистер Гудвин! – поздоровался с порога мастерской секретарь мэра, как-то растянув своё «здравствуйте», и притворил двери.

– О, мистер Лэрд! – отложил в сторону инструмент Фредерик и вытерев руки об фартук, смутился.

– Простите, не могу подать Вам руки. Весь в мазуте!

– Ничего, ничего, – прошёл Лэрд и присел на стул, – нас никто не слышит, мистер Гудвин?

– Ну, – подумал Фредерик, – мой помощник уже ушёл домой, а я задержался, как и всегда. Жена сюда не заходит, детям я запретил тут появляться и поэтому тут легко думается, мистер Лэрд.

– Понимаю Вас, – кивнул Лэрд, – у меня серьёзный разговор и не хотелось бы, чтобы нас услышали.

– Сразу к делу? – присел напротив Фредерик, – что-то серьёзное?

Лэрд кивнул.

– Что-то связанное с моей семьёй? – спросил Фредерик.

– Нет, – ответил Лэрд, – я не знаю чем Вы занимаетесь, мистер Гудвин, но знаю Вас как хорошего человека, и вашу семью как порядочных людей. И поэтому посчитал своим долгом сообщить Вам, что сегодня приезжал некто Марлоу, представившийся инженером гражданского флота работающим в Бэлфасте.

– Марлоу? – подумал Фредерик, – я знал одного Марлоу, Джозефа Брюса Марлоу.

– Мэр не стал с ним разговаривать о вас, – протянул Лэрд Фредерику конверт, – но я нагнал его уже на улице и сообщил, что знаком с Вами.

Фредерик взял конверт и открыл его. Там лежало письмо написанное мелким почерком.

– Да! Это его почерк! – обрадовался Фредерик, – спасибо Вам, мистер Лэрд! Чем я вам обязан?

– Ничем, – развёл Лэрд руками, – простите мэра. Он думает не своей головой, а мозгами пастора их церкви. Так, а что же пишет Вам, мистер Марлоу?

– Меня пригласили на работу, – улыбнулся Фредерик, – и благодаря Вам моя семья не останется без хлеба!

– В Бэлфаст?

– Да, – ответил Фредерик, – у них проблемы с электрикой на новом пароходе, и наш общий друг, мистер Эндрюс, вспомнил о моём изобретении, которое я представил в их ком-

панию много лет назад. Тогда его подняли на смех и назвали нерентабельным! А сейчас оказалось, что изобретение не такое уж и нерентабельное. И они его требуют на свой новый пароход!

– Поздравляю Вас, мистер Гудвин, – улыбнулся, кивнув, Лэрд, – и вдвойне поздравляю если это тот пароход, о котором все только и говорят.

– Спасибо, мистер Лэрд, – ответил Фредерик...

...Через час Фредерик занёс ключи помощнику, и едва пришёл домой сказал Августе, что немедленно собирается в дорогу.

– В Бэлфаст, – радостно ответил Фредерик на вопрос куда он уезжает, – на несколько дней. Точнее, пока не закончу работу. Не думаю, что это надолго.

– Ну, – вздохнула Августа, – только обещай писать письма, в которых ты будешь сообщать как у тебя идут дела. Хорошо?

– Каждый день! – ответил тихо Фредерик, – может заработанных денег хватит, чтобы мы немножко обставили этот дом?

Фредерик обнял на прощание детей и уже через час был на пути в ближайший порт...

ИРЛАНДИЯ; БЭЛФАСТ; ЛЕТО 1911 ГОДА

В Бэлфасте Фредерик направился на верфь даже не заходя в гостиницу.

– Гудвин! – рассмеялся Эндрюс, отбросил карандаш на чертёж, и подойдя к Фредерику схватил его в объятия и долго не отпускал.

– И сколько лет мы не виделись? – спросил Эндрюс, наконец отпустив Фредерика.

– Пожалуй... десять, Томас! Это точно! – усмехнулся Фредерик.

– Ты уже устроился? – спросил Эндрюс, посмотрев на Фредерика прищурив глаз.

– Я сразу сюда, как только Марлоу появился в нашем боре, – ответил Фредерик.

– Это правильно, – кивнул Эндрюс, – не стоит тратить деньги на гостиницу! Я сам устрою тебя, за счёт компании. Ну, а чем занимаешься? – спросил он.

– Да всё тем же, – ответил Фредерик.

– Изобретатель и рационализатор, не так ли? – усмехнулся Эндрюс.

– Ну, как-то так, – подумал Фредерик.

– Посмотри сюда, – позвал его к чертёжному столу Эндрюс.

Фредерик поставил маленький саквояж у порога, и подошёл к столу, на котором Эндрюс раскладывал новый чертёж.

– Наш электрик сделал всё по старинке, – сказал Эндрюс, – но в этой всей схеме есть один изъян. И он серьёзный. И уже даёт о себе знать. Тут сотни лампочек в каждом помещении на «Титанике». Но мы не можем себе позволить по одному выключателю на каждую из них. Логично? Это глупо, Фредерик, согласишься!

– Во всяком случае неудобно, – кивнул ему Фредерик, – то есть компания вспомнила про мою систему плавких предохранителей?

– Совершенно верно! – ответил Эндрюс, – и не только! Мы хотим доверить тебе всю систему обеспечения парохода электроэнергией.

– Заманчиво звучит, – удивился Фредерик, – но на это понадобится много ресурсов.

– Не вопрос, – ответил Эндрюс, – я рассказал о тебе Пирри, и он в приказном порядке распорядился выдернуть тебя сюда на любых твоих условиях. Сроки уже поджимают. «Титаник» уже спущен на воду, но стоит в полной темноте.

– Понимаю, – сказал Фредерик, – я сделаю всё что смогу. Но согласится ли на мои условия владелец верфи?

– Я познакомлю тебя с Пирри, – ответил Эндрюс, – с ним можно договориться и запомни, что он не жадный! Можешь смело заказывать всё, что тебе нужно, и говорить сколько тебе будет нужно рабочих...

...Лорд Пирри был уже старый человек. Немногословный, можно сказать лаконичный и рассудительный. Он больше слушал, чем говорил и больше давал ответы, чем спрашивал.

Вот и сейчас он долго выслушивал Эндрюса, потом перевёл взгляд на Фредерика и кивком головы показал ему, чтобы тот говорил. И слушал Фредерика ещё дольше чем самого Эндрюса. Больше молчал, переспрашивая лишь время от времени о терминах казавшихся ему непонятными.

– И так, мистер Гудвин, – наконец выслушал он Фредерика, – сколько Вам понадобится рабочих и сколько нужно средств, чтобы осветить «Титаник» полностью?

– Пожалуй, милорд, начну со средств, – протянул Фредерик, лорду Пирри, свёрнутый вчетверо лист бумаги, – мы с мистером Эндрюсом, сразу после моего прибытия на верфь, уже подсчитали смету расходов. Тут данные без учёта заработной платы рабочим.

Пирри взял лист, развернул его и читая поглядывал то на Эндрюса, то на Фредерика.

– Нет проблем, – отложил он в сторону расчёты Фредерика, – Исмей оплатит всё что будет необходимо. Скажу вам по секрету, джентльмены, он болен идеей, которая мне совершенно не по душе. Исмей хочет построить тот самый пароход, «Титан», и я с трудом убедил его изменить, хотя бы, имя парохода.

– Из той книги? – переспросил Фредерик.

– Именно, и мы воплощаем фантастику, – кивнул Пирри, – не знаю к чему это приведёт, но автор заразил его своим фантастическим кораблём из «Тщетности».

– Недавно, я эту же книгу подарил своему сыну, – ответил Фредерик.

– Надеюсь, что он не заболеет так как заболел Исмей, – усмехнулся Пирри, – хотя, – подумал он, – у него всё впереди. По крайней мере он будущее будет строить в будущем и не станет пытаться победить время. Хотя Брюсу очень удобно побеждать природу на деньги мистера Моргана. А что ваш мальчик? Не изъявлял желания осуществить нечто подобное?

– Трудно сказать, что у него на самом деле на уме, – улыбнулся Фредерик, – пока что усиленно штудирует учебники по физике и механике.

– Вот это правильный подход, – кивнул Пирри.

Он помолчал.

– А Вы уже видели бригаду наших электриков? Что Вы о них думаете, мистер Гудвин?

– Да, я видел их и ознакомился с их квалификационными характеристиками, – ответил Фредерик, – скажу честно, что ни один из них не подходит для выполнения данной работы. Я хотел бы просить Вас, милорд, заменить их.

– Вот как? – удивился Пирри, – а есть другие кандидатуры?

– Конечно, милорд, – кивнул в ответ Фредерик, – при чём тут, в Бэлфасте. Понадобится значительно меньше людей и эти люди, я думаю, не откажутся нам помочь. Я говорю о сотрудниках инженерного бюро мистера Уильяма Парра.

– Кто такой мистер Парр и почему я о нём не знаю? – посмотрел Пирри на Эндрюса, – и чем его сотрудники лучше наших электриков?

– Мистер Парр, о котором идёт речь, – ответил Эндрюс, – набирает к себе на работу только специалистов высшего уровня, как правило с образованием и квалификацией. Его клиентами являются очень богатые люди со всей Ирландии и Шотландии. Он уже имел дело с электрификацией пароходов.

– Наших?

– Нет, наших конкурентов, – уточнил Эндрюс, – он работал на строительстве «Лузитании». Но наш проект на порядок современнее.

– Гм, – подумал Пирри, – и что же мешало нам задействовать в работе мистера Парра с самого начала? Почему такой специалист до сих пор не в нашем проекте и не в доле от нашего строительства?

Эндрюс криво улыбнулся и усмехнулся.

– Ну Вы же знаете ответ, милорд? Это совет наших директоров, которые очень далеки от кораблестроения, но зато близки к церкви.

Эндрюс немного помолчал.

– Мистер Уильям Парр – католик, и предоставляет работу только католикам, и надобно сказать, что проблем с кадрами у него нет и не было никогда.

– Зато они есть у нас! – усмехнулся Пирри, – из-за идиотского кадрового подхода членов совета директоров! Мы строим корабль, а не собор!

Пирри рассмеялся.

– Немедленно заключайте контракт с мистером Парром и всей его бригадой! Ходовые испытания должны пройти в срок и дату первого рейса «Титаника» из-за религиозных убеждений и атавизмов общества ни я, ни Исмей, ни Морган, переносить не собираемся!

Он посмотрел на Фредерика.

– В Ваших руках судьба «Титаника», мистер Гудвин. С этой минуты, доктор Гудвин, Вы главный инженер-электрик строящегося лайнера и подчиняетесь непосредственно мистеру Томасу Эндрюсу. Я думаю, что ирландцы Вас полюбят.

Пирри подумал и перевёл взгляд на Эндрюса.

– Остальные электрики теперь просто помощники новых. Сообщите им, что на заработную плату это никак не повлияет. Удачи, джентльмены и я верю в вас...

АНГЛИЯ; МЕЛКШАМ; ОСЕНЬ 1911 ГОДА

В тот день, Гарольд допоздна перелистывал очередную огромную книжку с красивыми картинками в садике.

Фредерик показался в переулке ближе к вечеру.

– Папа! – заметил отца Гарольд и гордый от счастья, что именно он первый увидел папу, а не Уильям и не Джесси, бросился к отцу через весь переулок.

– Сынок! Гарри! – остановился Фредерик, поставил чемодан и на ходу поймал сынишку, подхватив его словно маленького.

– Я так соскучился, папа! – обнял отца Гарольд и повис у него на шее.

– А ты больше не поедешь никуда? – спросил Гарольд стараясь пожурить Фредерика.

– Никуда, – ответил Фредерик, – ну давай я поставлю тебя на землю, а ты поведёшь меня домой? Здоровый ты уже стал! – рассмеялся он и опустил Гарольда на дорогу.

– Что дома? Больше не прыгал в грязные лужи? – спросил Фредерик, подмигнув сыну.

– Не-а, я теперь с ними на речку не хожу! – торжественно объявил Гарольд и потащил Гарольд Фредерика за руку домой...

...Наверное, быстрее чем сейчас, старый почтальон Френсис Даллес ещё никогда не бегал. Он проделал путь от почты до мэрии, где у него сломался велосипед. Френсис упал на дорогу, спешно собрал разлетевшиеся по улице письма и газеты, после чего бросил своего «железного коня» и побежал дальше пешком.

Почти не разбирая дороги он влетел в арку, за которой начинался Квартал Уотсона и остановился только увидев Фредерика, которого тянул домой Гарольд.

– Мистер Даллес? – остановился, услышав что его окликнули и удивлённо посмотрел на почтальона Фредерик.

– Иди домой, я сейчас зайду, – сказал Фредерик сыну.

– Ну папочка! Пошли! – остановился обиженно мальчик.

– Скажи маме, чтобы готовила чай, – подмигнул ему Фредерик и Гарольд, тяжело вздохнув, послушно направился к дому один, оборачиваясь в сторону оставшегося на улице Фредерика.

В ответ, почтальон протянул вперёд руку, тяжело дыша, стараясь что-то сказать.

– Вам плохо, мистер Даллес? – подошёл ближе Фредерик к почтальону.

– Мы можем с Вами где-то поговорить, мистер Гудвин? – словно выдохнул почтальон, стараясь говорить как можно тише.

– Пройдёте в дом? Отдохнёте, выпьете с нами чая, – предложил Фредерик, но почтальон замахал рукой и закружил головой.

– Нет... мистер Гудвин... так, чтобы никто нас не услышал, – прохрипел он и посмотрел назад, – это вопрос жизни и смерти... он касается всех вас....

– Ну... – подумал Фредерик, – идёте в мастерскую?

– Отлично, – вздохнул почтальон, кивнув, – идёте... скорее...

Фредерик повёл его к мастерской и заведя внутрь усадил на стул.

– Что случилось, старина? – спросил Фредерик подав старику стакан воды.

Почтальон жадно выпил воду, вернул стакан Фредерику и глянув на двери молча указал, чтобы Фредерик их закрыл.

– Заприте, – прошептал почтальон.

– Что такое? – закрыл двери Фредерик и присел напротив Даллеса.

– Вам нужно уезжать, мистер Гудвин, – тихо сказал почтальон глядя на Фредерика, – и срочно. Вас ищут.

– Кому я понадобился? – не понял, удивившись, Фредерик.

– Не знаю кто именно они такие, но явно не полицейские, – ответил полушёпотом почтальон.

– Что случилось? – изменился в лице Фредерик, – неужели настолько серьёзно?

– Серьёзно, – кивнул почтальон, – сегодня на почту, где-то час назад, заехали трое в штатском, не местные, местных, даже из графства, мы всех знаем, – постучал он пальцем у виска, – вели себя нагло, я бы сказал – как у себя дома! Наш начальник был бледный, словно мальчишка перед поркой. Они перерыли все журналы регистрации корреспонденции и выписали всё что касается Вас лично и Вашей достопочтенной супруги. Особенно их интересовала Ваша переписка с мадам Кюри и доктором Николой Теслой.

– Гм, – удивился Фредерик посмотрев в пол, – а они спрашивали что-то?

– Спрашивали, – кивнул почтальон, – читаем ли мы Вашу переписку с границей, как полагается. Каждой курице известно, что мы этого не делаем из уважения к своим соседям, но начальник соврал, занервничал и разумеется ему не поверили. Я его спас, сказав, что не разбираемся мы в ваших научных терминах и не можем сказать о чём вы там переписываетесь. Но и тут они не поверили. Они всё про нас знают! Про каждого! И потребовали, чтобы мы впредь пересылали все Ваши письма к ним в Лондон.

– И кого же я так заинтересовал? – расстроился Фредерик.

– Я скажу кого, – шепнул почтальон, – это были ищейки военного ведомства. И настроены они были очень недружелюбно.

– Контрразведка? – посмотрел на него Фредерик.

– Они самые, – кивнул почтальон, – вам нужно бежать, куданибудь подальше, на самое дно. Я знаю Вас и Вашу семью как порядочных людей. И прекрасно вижу, что из Вас такой же шпион, как из меня принцесса Мозамбика. У Вас замечательная супруга и прекрасные дети. Страшно представить их судьбу, если с Вами что-то случится. Бегите, мистер Гудвин!

– Что же мне делать? – растерялся Фредерик, – незаметно не уехать из Мелкшама.

– Ну, если Вы решили бежать тихо и быстро, – прищурился и посмотрел на Фредерика почтальон, – даже прямо сегодня, то я поговорю со своим братом, Эдди. Он доставит Вас туда куда скажете, абсолютно безвозмездно.

– Да ну мы заплатим... – начал было Фредерик.

– Прекратите это, мистер Гудвин, – успокоил его почтальон, – ваша семья столько для нас сделала, что пожалуй вы на сто лет вперёд оплатили даже молебны за ваше здоровье в нашей церкви.

– Главное, чтобы не мессу за упокой, – проговорил расстроенно Фредерик, – спасибо Вам, мистер Даллес, – посмотрел он на почтальона, – я думаю, поговорите со своим братом. Пусть запрягает дилижанс и подъезжает к нам сегодня в полночь.

– Да, мистер Гудвин, – кивнул почтальон, – как скажете.

Он поднялся и подошёл к двери.

– Мистер Даллес, – окликнул его Фредерик не вставая.

– Да? – обернулся старик.

– Прошу Вас, отправьте телеграмму моей сестре, в Фулем, – попросил Фредерик, – напишите, что мы погостим у неё до Пасхи. Выезжаем срочно, всей семьёй. Адрес не сложный. Улица Вернон, дом 10.

– Замечательно, мистер Гудвин, – кивнул, облегчённо улыбнувшись, почтальон, – я рад, вам есть куда ехать и самое главное. Буду знать, что говорить если спросят куда же вы все пропали так внезапно.

– Именно, – ответил Фредерик.

...Гарольд проснулся от того, что его разбудила мама и сразу же приказала одеваться.

В детской было темно, и Гарольд сквозь тусклый свет падающий в окна из ночи рассмотрел Уильяма и Чарли, которые молча собирали в темноте свои вещи.

– Мамочка, что случилось? – испугался Гарольд и посмотрев на двери заметил стоявшую там, перепуганную Джесси.

– Я боюсь, мамочка, – прошептала Джесси и у Гарольда сильно заколотилось сердце.

– Быстрее, Гарри, – ответила Августа поднимая мальчика.

– Зачем мы встали среди ночи? Мы куда-то едем? – проговорил тихо мальчик.

– Да, мы уезжаем, срочно, – сказала Августа.

– Но почему? – удивился Гарольд.

– Так надо, – ответила Августа, – надо срочно уехать.

Гарольд встал, подошёл к стулу на котором были свалены в кучу его вещи и обернулся к маме.

– Но я не хочу никуда ехать! – заявил он, но голос Джесси заставил его проснуться и начать быстро одеваться.

– В доме привидения, – заплакала Джесси и подойдя к Августе прижалась к ней.

– Привидения??? – испугался мальчик, – но я их не видел!

– А их не нужно видеть, – ответила ему Августа, – они хотят вас украсть.

Гарольд осмотрелся.

– Уилл! Ты слышал!? – чуть не закричал он.

Уильям уже собрался и вслед за Чарли направлялся к дверям.

– Ты если сейчас будешь нюни распускать, то я сам тебя украду! – сказал Уильям и важно проследовал за братом.

– Не надо меня воровать! – проговорил испуганно Гарольд и почти на ходу одеваясь побежал за братьями.

Августа присела на кровать Гарольда и прижав к себе Джесси, заплакала.

– Мамочка, что это? Почему мы уезжаем? Это игра такая? – прошептала девочка уткнувшись лицом в маму.

– Игра, – вздохнула Августа, – пойдём, дорогая. Дилижанс не будет нас долго ждать...

...Дилижанс пронёсся по ночному городу и уже через несколько минут растворился в безлунной, пасмурной, осенней ночи.

Гарольд выглянул в заднее окошко и мысленно попрощался с Мелкшамом, который он так любил и который так спешно, непонятно почему, должен был покинуть.

Уильям заснул сидя, прислонив голову на плечо Чарли. Джесси уже давно спала, а Гарольд крутился, крутился, пока ему это не надоело. Он удобно расположился между папой и мамой, и как-то незаметно для себя, заснул.

Его разбудил Фредерик, когда на улице уже было светло и шумно. Они приехали в какой-то город. В какой именно Гарольд не знал.

– Вставай, соня, – услышал мальчик голос отца, – теперь мы будем жить тут...

Бросили всё. И садик. И дом. И свадебный салон, в котором Лилли и мама обшивали местных модниц. И мастерскую с лабораторией. Всё было брошено, продано за бесценок и Гарольд опомнился только на новом месте, в небольшом доме у своей тётушки, почти рядом с Лондоном... Там не было ни садика, ни садового гнома, ни огромного абрикоса. Даже лавочки не было. Потому что сразу за порогом уже была улица.

На вопрос Гарольда «почему?» папа сказал, что в их доме завелись привидения, страшные, и что эти привидения могут Гарольда украсть.

Гарольд даже испугался, и теперь, по ночам он вздрагивал от каждого шороха. Но этими шорохами всегда оказывался Уильям или Чарли.

В общем, в папины привидения поверили только Гарольд и Джесси. Почему так быстро собрались и уехали, Гарольд так и не узнал.

ПРИГОРОД ЛОНДОНА. ФУЛЕМ⁶. ОКТЯБРЬ 1911 ГОДА

– Ну, уж погостим у тебя, сестра, – с порога поздоровался с сестрой Фредерик.

Сестра только неловко улыбнулась.

– Здравствуй, милый брат! – выдавила из себя она и обняла Фредерика, – не ожидала, ей-богу не ожидала, что этот старый дом снова оживёт!

– Ах племянники, родные вы мои! – посмотрела она на детей и бросилась обнимать всех.

Эта тётушка, не худая и не толстая, в шляпке, под которой были спрятаны чёрные вьющиеся волосы, почему-то всегда казалась Гарольду и хорошей и плохой одновременно. Он не любил её взгляда, напоминавшего взгляд змеи, особенно когда она смотрела на Гарольда.

Но ещё больше он не любил, когда тётушка начинала его поучать, обязательно посмеиваясь и язвительно унижая мальчика, всегда стараясь вызвать у него чувство вины за то, что Гарольд нет-нет да оказывался умнее и сообразительнее её детей.

Её дети и сейчас выглядели из-за спины, вроде и радостно, но в то же время Гарольд без труда мог прочесть в их глазах недовольство и раздражённость.

Это были Алэсдэйр, или просто Алэс, и его сестра Нормина. Алэс был слегка нагловатый, а Нормина всегда больше молчала и буквально убивала своей немногословностью. Даже со своей матерью она разговаривала в полголоса и глядя исподлобья. Вот и сейчас она смотрела на Гарольда исподлобья, и Гарольд даже отвернулся, чтобы она не разглядывала его.

– А где Стини? – услышал Гарольд голос отца.

Стини – это был муж тётушки, дядюшка Гарольда. Гарольд, когда был совсем маленький, любил своего дядю и всегда с нетерпением ждал встречи с ним. Но потом понял, что дядюшка вовсе не желает его видеть. Хотя он никогда не обижал Гарольда, но чем старше Гарольд становился, тем злее ему казался взгляд дядюшки.

Когда-то дядюшка Стини был моряком. Потом нанялся на королевскую службу и стал лесником. Он убивал зверей, а Гарольду было очень жалко зверушек. И каждый раз, когда дядюшка возвращался из леса, принося убитых птиц и зверей, Гарольд ночь напролёт плакал. Его никто не понимал и ругали за то, что мальчик плачет, мешая спать другим. И Гарольду всё больше и больше начинало казаться, что вокруг все люди злые. Поэтому он становился всё больше и больше нелюдимым и ни с кем не хотел дружить...

– Ну уж извини, у него служба, – ответила Фредерику тётушка, – ну вы проходите, размещайтесь, заносите чемоданы. Или так и будете стоять в дверях?

В дверях никто стоять не хотел и дом очень быстро оживился.

– Пока вы тут, – услышал Гарольд голос тётушки, – мы переезжаем в дом к Элизабет. Вы люди городские, к садам непривычные, а там надо работать каждый божий день!

Этот «божий день» был произнесён так торжественно, что Гарольд чуть не засмеялся. Ему стало понятно, что тётушка решила прибрать к рукам большой особняк другой отцовой сестры, которая жила в России, и лишь наездами навещала бабушкино и дедушкино имение под Эдинбургом. А всю его семью тётушка решила затащить сюда, в малюсенький домик, в бедный район, где жили только протестанты.

– Зато к столице ближе! – радостно улыбаясь, продолжала говорить тётушка, – народ тут деловой и тебе, Фредерик, будет тут удобнее заниматься своими науками, чем в провинции.

Отец только соглашался, а тётушка не давала никому вставить в разговор слова, сразу же перебивая и начиная расхваливать дом и этот грязный городишко с названием Фулем.

Гарольд постоял, послушал тётушку и махнул рукой. Он не любил шум. Шум очень раздражал мальчика. Голова начинала кружиться, а потом болеть. Он оставил взрослых и поднялся на второй этаж, где Уильям уже осваивал детскую.

Гарольд открыл шкаф и тут же отскочил. Дверь захлопнулась прямо у него перед носом, вырвавшись из руки.

– Не лезь сюда! – оттолкнул его Алэс, – пока тут мои игрушки – не лезь сюда! – повторил Алэс и снова толкнул Гарольда.

– Да не очень-то и надо, – отвернулся, обидевшись, Гарольд и отошёл.

– И вообще, чтобы на моей кровати не спал! – крикнул ему вслед Алэс, – это мой дом и мои вещи!

– Но вы же уезжаете отсюда, – совсем обиделся Гарольд. Он и так не любил своего двоюродного брата, потому что тот был, как ему казалось, жестоким. А тут ещё и такая обида.

Гарольд надулся.

– Ничего, что я вообще приехал со своей семьёй? Может мне лучше было остаться в Мелкшаме?

– Лучше бы оставался! – ухмыльнулся Алэс, – да ты вообще не Гудвин и только случайно носишь нашу фамилию!

– Чего??? – опешил Гарольд и глянул на оторпевшего Уильяма.

– Ну, ты это, – посмотрел Уильям на Алэса, – говори, да знай меру.

– Случайно! – повторил Алэс, – и поэтому ему нечего спать на моей кровати! Пусть на ней лучше Чарли спит!

– Не очень-то и хотелось! – кинул ему в лицо Гарольд и отвернулся.

– Хм... – снова ухмыльнулся Алэс.

– Ты чего такой злой, когда видишь брата? – посмотрел Уильям на Алэса, – не смей обижать Гарольда!

– Гарольда! Брата! – злобно рассмеялся Алэс, – если бы он был наш, то его называли бы Гарри!

– Он и так Гарри! – закричал Уильям.

– Он Гарольд! – смеялся в ответ Алэс.

– Замолчи!

– Сам замолчи!

– Ты тупая деревенщина!

– А ты подстилка протестантов!

– Мы католики!

– Заткнись!

– Сам заткнись!

Мальчишки уже готовы были подраться, но тут они замолчали. Гарри заплакал, растолкал их и выбежал из комнаты, побежав в дальний угол коридора, и забился там за огромный комод.

Скандал прекратился. Через несколько минут послышались шаги, голоса тётушки и отца, и в детскую вошла тётушка Гарольда, а следом за ней Фредерик.

– Что случилось? – услышал Гарольд.

– Алэс сказал, что Гарольд только случайно носит нашу фамилию... – услышал голос Уильяма Гарольд.

– Неправда, он не мог такого сказать, – спокойно ответила тётушка.

– Не мог! Не мог! – закричал Алэс, – это неправда! Я не это имел ввиду!

– Ну он же сказал... – виновато произнёс Уильям.

– Ладно, – послышался голос Фредерика, – думаю дети разберутся сами.

– Я тоже так думаю, – ответила тётушка, – ну, счастливо вам оставаться, идём Алэс.

Они вышли из коридора. Когда взрослые скрылись на лестнице, Алэс повернулся к Гарольду и показал ему язык.

– Бастард! – громко прошипел Гарольду Алэс и побежал следом за матерью...

Фредерик не сразу нашёл заплаканного от обиды и оскорбления Гарольда. Гарольд не хотел выходить из своего укрытия и отворачивался от отца, не давая себя даже тронуть.

– Ну что ты, Гарри, – присел Фредерик.

– Ты... как ты мог... – заплакал Гарри.

– Ну, ну, – наконец обнял сына Фредерик, – есть моменты, когда лучше не спорить.

– Он сказал ужасные вещи про меня, и значит про нашу маму... – прошептал Гарольд, прижавшись к отцу, – он сказал, что я не твой сын...

– Это неправда, – ответил Фредерик.

– Что неправда? Он это говорил! – сказал Гарольд.

– Я верю, что он говорил, – сказал, успокаивая его, Фредерик.

– А почему ты не поверил Уильяму?

– Я поверил. Но нам не нужен был скандал с твоей тётушкой.

– Но он такие гадости мне говорил... Я его ненавижу! – стиснул зубы Гарольд.

– Ты мой сын, – обнял его Фредерик, – и всегда им был.

– Правда? – посмотрел в лицо Фредерику Гарольд.

– Правда, – улыбнулся ему и кивнул Фредерик, вытерев Гарольду слёзы, – ты мой самый любимый, и самый лучший сын.

– А Уильям, Чарли и Сид? – спросил мальчик.

– И они тоже, самые любимые и лучшие! Ведь у меня других, кроме вас, нет? – снова улыбнулся Фредерик.

Гарольд прижался к отцу и заплакал. – Я тебя так люблю, папочка...

...В новой школе, в этом небольшом городке со странным названием Фулем, который называли то Фулемом, то Фулхэмом, то Фулхеймом, Гарольда встретили неприветливо. Первый день в новой школе запомнился ему навсегда.

– Фууу! Католик-вонючка! Католик-вонючка! – хором разразился класс, едва Гарольд переступил порог.

Он застыл, посмотрел на других детей и опустил глаза.

– А ну тихо! – крикнул на всех учитель и класс замолчал.

– Садись сюда, – указал Гарольду на свободное место учитель и едва мальчик сделал первые пару шагов между рядами, как тут же упал, споткнувшись о чью-то ногу.

Все опять громко засмеялись. Гарольд встал и посмотрел на обидчика, а потом на учителя.

– Прекратите! – крикнул учитель, – присаживайся, – спокойно он сказал Гарольду.

Гарольд молча кивнул и присел за самую заднюю парту.

– Вам было дано задание учить шестьдесят шестой сонет Уильяма Шекспира, – начал учитель и присел на своё место, посмотрев на учеников, – есть смелые?

Класс молчал.

– Хорошо, – открыл он классный журнал.

– А пусть новенький покажет! – крикнул кто-то с места и дети снова засмеялись.

Гарольд почувствовал себя смешной картинкой из газеты. Он опустил глаза и покраснел.

– Новенький? – переспросил учитель, – это кто там такой умный? – посмотрел он снова на класс.

– Может ты будешь проводить урок?

Умный моментально затих.

– Ну хорошо, – согласился учитель, – Гарри, ты можешь рассказать этот сонет?

– Да, сэр, – поднялся с места Гарольд.

– Прошу, – кивнул учитель.

– Зову я смерть, я до смерти устал, – начал Гарольд, – от гордости, идущей в прижималки...

Поняв, что его слушают, он заговорил громче...

*– ...от пустоты занявшей пьедестал,
От вымученной веры из под палки,
От срама орденов и галунов,
От женищин, тех что смолоду пропали,
От силы под пятой у болтунов,
От мудрого величия в опале,
От вдохновения исподтишка,
От простоты, в которой нету прока,
От знания в руках у дурака,
От чистоты в служанках у порока...
...Устав душой ушёл бы я совсем,
Но как мне вас покинуть с этим всем...*

– Молодец, – немного помолчал учитель, – садись.

Гарольд присел на своё место. Учитель посмотрел на класс.

– Судя по всему у других нет смысла спрашивать? – он обвёл глазами детей, – стыдитесь, англичане...

...Едва прозвенел звонок с урока, и учитель вышел из класса, как Гарольда обступили мальчишки.

– Ты чего тут умничаешь! – начал один из них, – хочешь показать, что ты умнее нас?

– Ничего я не хочу... – ответил Гарольд, не вставая с места, только испуганно поглядывая на своих новых одноклассников.

– Ты откуда вообще приехал! – наперебой начали орать другие.

– Из Мелкшама...

– Ну и вали к своим католикам в Мелкшам!

– Чего ты к нам приехал!

– Разве я виноват... – начал было оправдываться Гарольд.

– Католик-вонючка! – закричал кто-то,

Гарольд попытался встать, чтобы выйти из класса и найти Уильяма, но тут же получил удар кулаком в лицо и был сбит с ног.

– А! – закричал Гарольд и закрыл руками лицо.

Его прижали к полу и начали бить ногами, очень сильно и больно. А после удара в живот у него перехватило дыхание и кричать он уже не мог.

– Снимайте с него штаны! – услышал он чей-то крик, – шотландцы ходят в юбках, как девчонки! Дайте ему юбку!

– Вот тебе юбка! – швырнули ему на голову половую тряпку.

Гарольд почувствовал, что с него стягивают штаны, а кто-то задирает ему в подмышки рубаху, и сейчас наступят минуты страшного позора. Он убрал руки от лица, схватился изо всех сил за штаны и потянул их назад, вверх.

Швы на штанах затрещали, но даже после того, как ему ударили каблуком прямо под глаз, он не отпустил их... Сильнейший удар в живот заставил его сжаться. Мальчик стиснул зубы и не издавал ни звука.

В коридоре прозвенел спасительный звонок...

– Ну ты зверь... – затихли мальчишки.

Гарольд лежал в тишине.

– Что тут происходит? – услышал он голос учителя и медленно поднялся, одной рукой придерживая рваные штаны, а другой вытирая кровь с лица.

Он глянул на всех и направился к выходу из класса.

– Тьфу на тебя! – крикнул кто-то.

– Иди, целуй башмаки своему Папе! Тьфу!

– Тьфу! Вали к своим католикам!

– Тьфу на вонючку!

– Пошёл отсюда, католик!

В Гарольда начали плевать. Он ничего не говорил и старался не смотреть на своих обидчиков. Он даже не заплакал. Подойдя к двери, Гарольд остановился, посмотрел на учителя и молча вышел из класса...

По улице мальчик шёл медленно, делая вид, что никого не замечает. Холодок бил в разбитый нос и Гарольду хотелось побыстрее спрятаться и никого не видеть, и чтобы его никто не видел. Ему было и стыдно, и обидно, и страшно...

Дома он молча заперся в детской и, злобно швырнув курточку прямо на пол, забрался под кровать, где его, как показалось мальчику, никто не сможет найти...

Мама вернулась не скоро. Под кроватью Гарольда обнаружила Джесси, очень испугалась и начала кричать и звать маму. Только тогда Гарольда вытащили и мама сама закричала и заплакала, увидев жестоко избитого Гарольда...

Он долго сидел и ничего не рассказывал, мама быстро успокоилась и делала ему примочки, но глаз всё равно заплыл и распух.

Штаны зашили, курточку отстирали, а фингал так и продолжал сиять. А ближе к вечеру домой вернулся папа.

– Гарри, – посмотрел он на сына, – я сегодня видел учителя, – и Гарольду показалось, что его душа упала в пятки.

– Ты должен был сегодня пойти в школу, – продолжал отец, – а в школе тебя не было. Это как?

Гарольд опустил глаза и поднялся со стула.

– Ну и зачем мы молчим? – посмотрел Фредерик на сына.

– Ага! – разразился Чарли, – я же говорил, что он врёт! В нос на улице от местных получил и боится! Трусишка! Неужели не можешь сдачу дать! А?

Гарольд глянул на брата.

– Я не боюсь... – пролепетал он и снова опустил глаза.

– Что случилось? – спросил Фредерик, присев на корточки возле Гарольда, глянув ему в лицо.

– Учитель врёт! Они били меня за то, что я неправильный, – расплакался Гарольд, – и плевали в меня. А он ничего не сделал!

– Ну и? Ты не мог просто убежать?

– Не мог, – покрутил Гарольд головой, – их было много, папа! Их было человек двадцать! А он просто смотрел! Что я им такого сделал!?

– Мда, – поднялся Фредерик, – после такого, я думаю, в школу ты больше не пойдёшь.

Гарольд взглянул на отца.

– Буду как Джесси?

– Джесси тоже не пойдёт. Прежде всего потому, что тут нет школ для девочек, а ближайшая аж в Лондоне, – ответил Фредерик, – она будет туда ездить с мамой, а вот что с тобой делать? – снова глянул он на сына.

– Не знаю, – ответил Гарольд и опять расплакался, – папочка, прости меня за то что я такой неудачный!

– Ха! – рассмеялся Чарли, – ещё и нюня!

Уильям молча слушал и смотрел на братьев, то на одного, то на второго.

– Чего головой крутишь? – спросил его Чарли.

– Да вот думаю, – ответил Уильям, – а если мы этих шпингалетов поодиночке выловим и надаём им тумачков за Гарри, ты со мной?

– Хм, – не то усмехнулся, не то прорычал Чарли, – чтобы они потом на нас своих папочек натравили? Это тебе не Мелкшам, Уилл!⁷

– А ещё говорил, что я трус! – вскричал Гарольд, рассерженно посмотрев на Чарли, – да ты сам трус! Ты не можешь защитить меня, а только смеёшься, когда мне больно! Зачем я вообще родился!? Чтобы меня все пинали за то, что я католик? Да? Был бы у меня настоящий брат, он бы так не говорил!

Гарольд убежал вверх, захлопнул дверь в детскую и, упав на кровать, расплакался.

– Приезжать сюда было нельзя, а оставаться там тоже было нельзя, – расстроено проговорил Фредерик и присел за стол.

– Не смей его обижать, Чарли, – строго произнёс Фредерик, глянув на старшего сына, – он не такой как все. Он мечтатель. Он добрый и наивный. И привык доверять людям. Это моя вина в том, что он стал таким. Что из него теперь вырастет?

Отец задумался.

– Давай лучше мы будем тебе в мастерской помогать? – тихо попросил Уильям отца.

– Чтоб в мастерскую – ни ногой! – глянул в ответ Фредерик.

– Почему? – не понял Уильям.

– Потому что я так сказал, – в пол голоса ответил Фредерик и на минуту замолчал, – если хочешь мне помочь, – добавил он, – иди успокой Гарри.

– Да, папа, – кивнул Уильям и пошёл в детскую, вслед за Гарольдом.

– Что у тебя? – Фредерик перевёл взгляд на Чарли.

– А мне что делать? – ответил Чарли, – меня взяли учеником на завод, в соседнем квартале.

– Хорошо, – Фредерик облегчённо вздохнул, – поработаешь пока, а там будет видно.

– Почему это, пока? Разве нам не нужны деньги? – удивился Чарли.

– Мне нужно, чтобы ты защищал своих братьев, а не унижал бедного Гарри, – словно не слыша его сказал Фредерик.

– Но он должен расти мужчиной, папа! – воскликнул Чарли.

– Если его унижать, из него вырастет тряпка. Понял? – посмотрел Фредерик на сына.

– Понял, – пробурчал Чарли в ответ.

На следующий день Гарольд в школу не пошёл. Он вообще две недели не выходил из дома, стесняясь своего фингала. Потом фингал начал сдуваться, исчезать и скоро пропал совсем.

Тогда Гарри начал гулять. Сада тут не было, было шумно, и мальчик полюбил ходить за город, где обнаружил небольшой родник из которого бежал тонкий ручей.

Гарольд попытался там строить плотину, но это ему скоро надоело. Он просто сидел возле родника, смотрел на воду, и вдруг он обнаружил у себя необычный талант. Он умел сочинять настоящие стихи! Маленькие, простенькие, но самые настоящие. Не такие как раньше. Они ему понравились. Мальчик решил сюда приходить каждый день, подумав, что этот родник волшебный. И конечно же без Уильяма. А Джесси и сама не могла. Она сидела с младшим братиком. Что делала Лилли, Гарольд не знал, потому что Лилли никогда ему ничего не рассказывала, а друзей больше у Гарольда и не было.

«Плохой город», – решил Гарри и размышлял, как он обязательно когда-нибудь, уедет из Фулема, встретившего его так неприветливо...

...После Мелкшама и его приветливых соседей с их посиделками и тортиками, фулемские обыватели стали откровенным шоком для Августы и всех, без исключения, детей. С первого же дня местные барышни Августу долго изучали, провожая взглядами, молча, после чего шёпотом принимались её обсуждать, не особо подавая признаки хоть малейшего дружелюбия. И предметами разговоров становилось всё. От шляпки до походки, от возмущения появлением католички до откровенной зависти. И каждый поход в лавку за продуктами становился настоящим испытанием. Особенно угнетало то, что зачуханные обитатели улочки, в рваных башмаках и с грязными ушами, корчили из себя «белую кость и голубую кровь».

Читать тут никто не умел, но вот писать не уставали...

Где-то через неделю в дверь постучали. На пороге стоял полицейский. Он молча оценил Августу и так же молча, кивнув, прошёл в дом.

– Здравствуйте миссис Гудвин, – хмуро поздоровался полицейский, – на вашу семью поступают жалобы.

– Жалобы? – удивилась Августа.

Выбежавшая с кухни Джесси обняла мать и молча уставилась на полицейского.

– Да, жалобы от вашей соседки, мисс Фриды Хокинз, – ответил полицейский доставая из папки бумагу исписанную с обеих сторон.

Августа опешила.

– Пройдите на кухню, присядьте, – проговорила Августа.

– Благодарю Вас, миссис Гудвин.

Полицейский прошёл на кухню, осмотрелся и присел на табурет за стол.

– И так, – начал он, мисс Хокинз утверждает, что Ваша дочь, мисс Джесси Гудвин, два дня назад, в двенадцать часов по полудню вернулась из школы и громко кричала на всю улицу, колотила ей в окно и всячески оскорбляла пожилую даму...

– Бред какой-то... – проговорила растерявшись Августа.

– Мапочка! Это неправда! – чуть не закричала Джесси, но полицейский указал чтобы Джесси помолчала.

– Далее, – продолжал он, – вчера в первом часу по полудню было слышно, что кто-то из ваших детей колотил мячиком об стену, а через пол часа были слышны звуки льющейся за стеной воды. Так же, в два часа по полудню была слышна ругань и грохот бьющейся посуды, – полицейский посмотрел на Августу и прокашлялся.

– Это неправда, – начала оправдываться Августа прижав к себе дочку, – у нас ванная комната с другой стороны дома и... Джесси не учится в школе... пока что. Мы совсем недавно приехали сюда из Мелкшама и там были на хорошем счету, сэр.

– Я понимаю, – ответил полицейский спрятав в папку донос, – кроме того мисс Хокинз совершенно глухая и я не понимаю почему она вдруг решила донести на вашу семью весь этот бред. Главное, не получите в результате соседства с ней нервное расстройство, миссис Гудвин. Думаю, что предупредить Вас о том, что с вашей семьёй соседствует такая особа это мой долг.

Он встал, попрощался кивком головы, и молча вышел.

– Мапочка! – прошептала Джесси, – что это сейчас было? Давай отсюда непременно уедем прям завтра!

Августа только молча присела на тот же табурет на котором сидел полицейский и схватилась за голову.

– Джесси, я думаю тебе не стоит брать во внимание разных сумасшедших старух, – посмотрела она на Джесси и закрыла глаза.

...Непонятно кто больше радовался поездке в Лондон, Джесси или Сид. Джесси, толкая впереди себя коляску с Сиднеем, шла рядом с мамой. А Сиднею было явно интересно крутиться, прыгать и мешать Джесси. Хотя Джесси это только веселило. Её забавляли выходки

младшего брата и на каждую из них она только весело смеялась, и тут же делилась своей маленькой радостью с мамой.

Пока добирались до Лондона на дилижансе, Сидней спал. Но едва только ступили на городские улицы, как малыш тотчас проснулся и оказалось, что ему интересно всё и все вокруг.

Осенние листья кружили, поднимаемые лёгким ветерком. День был солнечный и на удивление тёплый для этой поры. Августа только что приехала в Лондон и шла в городской совет, где её уже ждал инспектор школ.

– Ой мамочка, смотри, он смотрит на голубя! – то и дело раздавался вокруг, привлекая внимание случайных прохожих, звонкий голосок Джесси.

– Ой, смотри, он повернулся ко мне!

– Гляди, гляди! Он здоровается с этой тётенькой! Он машет ей ручкой! – Ему нравится этот домик, мамочка! Давай мы тут постоим? – Мамочка, он что-то говорит! Да не мне, а вон тому коту! – и большой серый кот, лежащий на подоконнике, брезгливо и удивлённо глянув на маленького мальчика, нервно забил хвостом и важно отвернулся...

...Августа с детьми свернула в узкий переулок, в конце которого стояло двухэтажное здание из красного кирпича. Вход немного возвышался. К нему вели две узкие лестницы, а само крыльцо напоминало широкий и просторный балкон.

Возле этого дома они остановились.

– Погуляйте тут, – попросила Августа, поправляя Сиднею одеяло.

– Хорошо, мамочка! Тут так красиво! Только возвращайся побыстрее! – ответила ей девочка, весело улыбнувшись и помахав рукой, когда Августа уже поднималась по ступенькам в здание.

Огромный кабинет на втором этаже был прокурен. Затхлый воздух ударил в лицо. Через грязные, посеревшие от дыма и пыли окна, пробивался тусклый свет. Запах пыли и табака проел тут всё. Шторы, книги, портреты, ровно висящие над головой немолодой дамы, сидевшей за широким столом в старом кресле.

– Ну? – посмотрела на неё дама, не выпуская из рук мундштук с вонючей дешёвой папирсой, – это Вы миссис Гудвин? – спросил она, выдохнув дым изо рта.

– Да, мэм, – ответила Августа, – обо мне должны были сообщить из школы Мелкшама. Я привезла рекомендательное письмо и диплом, как Вы и просили.

Дама позвонила в колокольчик. Следом за Августой вошла ещё одна, худощавая рыжая женщина в богатом платье.

– Это миссис Милтон, – сказала дама, – она наш методист.

– Очень приятно, миссис Милтон, – посмотрела Августа на вошедшую даму и поздоровалась с ней кивком головы.

– А я, как вы понимаете, инспектор школ для девочек в нашем боро⁸, – глянула на Августу дама с папирсой, – прошу называть меня мисс Партон. И что Вам нужно, миссис Гудвин? Мисс Партон оценила Августу недовольным взглядом.

– Мне сказали, что вам нужна учительница в школу для девочек, – ответила Августа, почувствовав себя неловко.

– Нужна, – выдохнула мисс Партон дым. Миссис Милтон перебирала рекомендации Августы, бегло и небрежно рассматривая их и швыряя на стол.

– Миссис Гудвин, – спросила она, – а чем Вы занимались последние пять лет?

– Я работала учительницей в Мелкшама, – начала говорить Августа.

– Гм... – ухмыльнулась Милтон, – и как же, мне интересно, Вас, католичку, приняли в школу?

– Я окончила учительский колледж в Эдинбурге. И в Мелкшама мне никогда не задавали вопрос о религиозной принадлежности.

– Они знали, что Вы католичка? – исподлобья посмотрела на неё мисс Партон.

– Прекрасно знали. И в Эдмонтоне тоже об этом знали, – Августа так и продолжала стоять и смотреть на то, как эти дамы переглядываются и обмениваются ухмылками, рассматривая её документы.

– Странно, – снова ухмыльнулась Милтон, – почему-то я не помню Вас.

– Но как же, – опешила Августа, – вы инспектировали мои уроки... два года назад.

– Ах, да, – не глядя на неё, небрежно швырнула на стол бумаги Милтон, – но никакого результата на вашем уроке я не увидела.

– Как не увидели результата? – изменилась в лице Августа, поняв, что на работу её никто не примет, – шесть работ моих девочек Вы представили к ученической королевской премии. У меня есть благодарственное письмо – от Вас, миссис Милтон.

– А чьи работы я должна была выписать? Учителя физики? – чуть не рассмеялась в лицо Августе Милтон, переглянувшись с Партон.

– Вы работали над чем-то? – прохрипела Партон, – есть ваши публикации в каких-нибудь издательствах? Хотя где-нибудь?

– Конечно, – Августа указала ей на свои бумаги, – около месяца назад я отправляла свои проекты в школьное издательство. Вы же смотрите ответ...

– А почему Вы отправили его только месяц назад? – не дала ей договорить Милтон, – чем Вы раньше занимались?

– Думаете, – посмотрела она на Партон, – она нам подойдёт?

– Сможет ли она преподавать, хотя бы рукоделие, – перевела она взгляд на Августу, рассматривая её с ног до головы, – и какое право Вы имели преподавать одновременно географию и словесность?

– Я? – чуть не заплакала от обиды Августа, – я двадцать лет работала в школе. Из каждой есть рекомендательные письма...

– Молчать! Здесь я разговариваю! – закричала Партон, – в какой деревне Вам их писали! Августа испуганно вздрогнула.

– Простите, – проговорила она. Августа забрала со стола свой диплом, рекомендательные письма, и ничего не сказав, вышла.

На улице её ждала Джесси, качая в коляске Сиднея. Джесси, как всегда с улыбкой на лице, радостно помахала рукой. Августа остановилась на пороге. Комья подступили к горлу. Обида и разочарование словно сдавили грудь, но она заставила себя улыбнуться в ответ дочери.

– Мамочка! Ты не заболела? На тебе лица нет! – прокричала Джесси и подвезла Сиднея.

– Ну что ты, дочка, – улыбнулась Августа, – всё так, как и должно быть.

– Тебя взяли учительницей? Я буду опять учиться в школе? – обрадовалась Джесси, но ответ Августы заставил её печально опустить глаза.

– Будешь... когданибудь обязательно будешь. А пока что, учить тебя буду я... – ответила ей Августа...

...Уильям терпел насмешки и откровенные издевательства от одноклассников по новой школе молча. Казалось, его ничто и никто не мог разозлить. Ни пощёчины и пинки на перемене. Ни вылитый на голову стакан воды прямо на уроке. Класс громко рассмеялся обзывая Уильяма, но мальчик только покраснел, достал носовой платок и ничего не говоря, даже не посмотрев в сторону обидчика, молча вытер воду с парты.

Учитель ударил указкой по столу и все утихомирились.

Через несколько минут прозвенел звонок с последнего урока.

– Католики воняют! – нюхал Уильяма рыжеволосый мальчишка, подойдя к нему едва закончился урок.

Уильям посмотрел назад. Позади кучковались другие новые одноклассники, переглядываясь и тихо хихикая.

– За собой смотри, умник! – словно отрезал Уильям и встал из-за парты.

– Эй! Ты куда! – хотел было усадить его силой на место рыжий, но Уильям перехватил и слегка вывернул ему руку.

– Ай! – запищал рыжий.

– Ты знаешь кого нюхать будешь? – посмотрел ему в лицо Уильям, – иди под хвостом у кобылы понюхай! Там тоже вкусно пахнет!

– Пусти! – взвизгнул рыжий.

Остальные никак не решались броситься ему на помощь. Уильям перевёл взгляд на них.

– Ну чего встали? Если двинетесь с места – я сломаю ему руку! Поняли?

– Угу, – кивнул один из них испуганно, и удивлёнными глазами, глядя на Уильяма.

– Вот и хорошо, – ответил Уильям, – а теперь пошли, рыжик! – потащил он рыжего за собой в коридор.

Рыжий, осторожно переставляя ноги, согнувшись в три погибели, плёлся за Уильямом.

– П... пусти... пожалуйста... – пищал мальчишка.

– Фух! Как ты мне надоел своим нытьём, – вздохнул Уильям, – давай, кричи на всю школу, что католики самые лучшие и я отпущу тебя к мамочке, – посмотрел он на рыжего продолжая тащить за собой.

– Не буду, – надул губы мальчик.

– А чего так? – усмехнулся Уильям.

– Мой папа – пастор...

– Гы, – рассмеялся Уильям, – тем более кричи.

– Ну... – заплакал мальчик.

– Что, больно, да? – спросил, с ухмылкой, Уильям.

– Угу... – рыжий умоляюще смотрел на него.

– Чего хотели? – спросил Уильям.

– Мы побить тебя договорились, – плакал мальчик.

– Чего? – остановился Уильям и ещё больше скрутил руку рыжему.

– Ай! – пискнул мальчишка, – побить!

– Зачем?

– Потому что ты католик, а католиков нужно бить!

– Слышь, ты, сын пастора, – подтянул рыжего к себе Уильям и глянул ему в лицо, – если хоть какая-то вошь из вас будет прыгать в мою сторону, я тебе сломаю руку. И ты не будешь упираться. Договорились?

– Да, – плакал рыжий.

– И теперь ты будешь делать всё что я тебе прикажу. Ясно? – спросил строго Уильям.

– Хорошо... только пусти... – разревелся рыжий.

– Кричи, что католики самые лучшие! И что я над тобой главный! Давай! – улыбнулся Уильям.

Рыжий посмотрел на Уильяма, потом на друзей, которые осторожно следовали за ними и зажмурил глаза.

– Ай-ай-ай! Католики самые лучшие! Я буду делать всё что ты скажешь! Ты главный! Признаю! – закричал рыжий.

Уильям отпустил его, пнул под зад и рыжий упал распластавшись по полу. Затем он поднялся вытирая слёзы и посмотрел на стоявшего над ним Уильяма.

– Извини, пожалуйста, – проговорил рыжий.

– Иди к мамочке, – похлопал его по щеке Уильям, – и трижды подумай прежде чем лезть ко мне. И не таких видали.

Напоследок плюнув под ноги рыжему Уильям победоносно направился к выходу...

Лавка находилась за углом, на соседней улице. Походы туда стали ежедневной обязанностью Джесси и Гарольда. Как и в этот день.

Брат и сестра выходили всегда вместе и всегда старались быстрее пройти улочку. По крайней мере когда рядом с Джесси шёл Гарольд. Он старался вообще не выходить из дома, с тех пор как его побили в школе, чаще играя возле двери, сидя на лавочке и спешно заходил в дом едва замечал своих самых страшных врагов, братьев Сэмюэлсов: Оливера, Томаса и Томми. Мальчишки были старше его и постоянно старались надавать Гарольду тумаков и что-нибудь отобрать.

Вот и сейчас Джесси заметила эту троицу и дёрнула Гарри за рукав.

– Чего? – не понял Гарольд и остановился, посмотрев на сестру.

– Знаешь? Давай обойдём? Вернёмся и пройдем через парк? – указала Джесси на Сэмюэлсов.

Гарри тоже посмотрел на них и ступил шаг вперёд.

– Не успеем, – ответил он Джесси, – они нас уже увидели...

– Давай убежим, – сказала девочка, – пожалеем маму! Нам опять тебе примочки делать, чтобы синяков под глазами не было...

– Опять... – вздохнул Гарольд и пошёл вперёд, надеясь быстро добежать до лавки.

– Подожди меня! – побежала за ним Джесси и взяла брата под руку. Сэмюэлсы уже приближались, перейдя через дорогу.

– Ну и кто же у нас это такой? – толкнул Гарольда в плечо самый старший из них.

– Пропустите нас! – попросил Гарольд и попытался обойти.

– Ой, вы только посмотрите! – рассмеялись Сэмюэлсы, – он умеет разговаривать!

– Давай шиллинг! Тогда пройдёшь по нашей улице! Для католиков тут проход платный! – преградил Гарольду путь второй из братьев.

– Я... у нас нет шиллинга... – проговорил в ответ Гарольд но обидчик его толкнул к Джесси.

– Остановитесь! Возьмите ваш шиллинг! – заплакала Джесси и полезла в корзинку за деньгами. В этот момент Сэмюэлс замахнулся, чтобы ударить Гарольда в лицо.

– Ну? – произнёс старший Сэмюэлс глядя на Джесси, – или мне немного разукрасить твоего братца?

– Не надо! Прошу вас! Не бейте его! – заплакала девочка протягивая мальчишкам деньги.

– Так-то лучше! – ухмыльнулся тот, забрал монеты и положил их в карман, – а теперь пошли отсюда! – крикнул он брату и сестре и дети побежали обратно домой.

Позади раздался свист и смех. Гарольд и Джесси остановились только возле своего дома. Тут Джесси увидела, что Гарольд плачет.

Он отвернулся.

– Ну, чего ты? – подошла к нему ближе Джесси, пытаясь посмотреть брату в лицо.

– Прости... я никудашный... от меня никакого толка... – отворачивался мальчик.

– Не говори так! – чуть вскрикнула Джесси, – ты не виноват! Они старше, а значит сильнее тебя! – но Гарольд не унимался.

– Я сожалею, что я родился католиком и не имею права заступиться за тебя. Даже если бы я схватил палку и побил их, то был бы виноват...

– Мама говорит, что мы никогда не бываем правы, и католики никогда не бывают богатыми. Ты привыкнешь. Это наша судьба.

Тут Гарольд заныл и, присев на ступеньки, швырнул корзинку на тротуар.

– К дьяволу судьбу! Зачем мы вообще сюда приехали... я не хочу тут жить... я вообще не хочу жить... что мы им сделали? Что?

– Мы католики, – присела рядом Джесси, посмотрев на брата, – они считают, что мы в чём-то виноваты, наверное.

– Наверное мы перед ними настолько виноваты, что они нас никогда не простят? – посмотрел на сестру мальчик.

– Никогда... – вздохнула Джесси и показала ему несколько монеток, лежавших в её ладони.

– У нас больше денег нет... Пошли купим хоть что-нибудь...

ПРИГОРОД КУИНСТАУНА; ИРЛАНДИЯ; ОСЕНЬ 1911 ГОДА

Фредди Сейдж только что погасил печку на кухне, когда в дверь паба даже не застучали, а заколотили. Парень глянул на часы висящие на стене. Время было за полночь. Он прошёл в зал и подошёл к двери.

– Закрыто уже! Мы не обслуживаем по ночам! – громко прокричал он и отчётливо услышал, что за дверями не заблудившийся забулдыга, а несколько человек. И они были вовсе не запоздалыми посетителями.

– Что вам нужно? – растерялся Фредди.

– Открывай! – услышал он в ответ грубый голос и рука сама потянулась к засову.

В паб, отпихнув от входа Фредди, ввалились вооружённые люди. Следом за ними двое внесли раненого, а последний зашедший закрыл и запер двери.

– Чего встал? – глянул он на Фредди и парень понял, что это главный, – неси воду и дай мне выпить. И бегом! – прикрикнул он на Фредди.

Раненого взвалили на стол. Один из тех кто его нёс присел рядом. Остальные разбрелись по пабу бесцеремонно беря выпивку, а главный, откупорив самый большой бутыль с ромом, махом сделал несколько глотков и подозвал перепуганного Фредди.

– Кто тут хозяин? – спросил тихо главный.

– Мой отец, сэр, – ответил заикаясь Фредди, – Джон Джордж Сейдж.

– Зови его, – проворчал главный и снова сделал глоток рома.

– Да, сэр, – растерялся парень, поняв что неприятности только начинаются.

– Немедленно! – крикнул главный и Фредди сорвался с места и со всех ног кинулся к двери на лестницу. Их семья жила на втором этаже.

– Отец! Отец! – разбудил Фредди не только отца, но поднял с кроватей всех кто в их доме был, – там партизаны! Они с оружием! С ними раненый!

– Кто, Фред? – ворчал Джон вставая с кровати.

Фредди зажёл свет.

– Да просыпайтесь же! – закричал он от отчаяния.

– Что случилось? – поднялась следом мать.

– Спи, Анна, – раздражённо приказал ей Джон, глянув сердито на сына, – ты какого чёрта разбудил всех за полночь?

– Там партизаны, – тихо проговорил Фредди и мать подскочила с кровати.

– Да угомонись ты, дура старая! – крикнул ей, накидывая халат, Джон и вытолкав сына из спальни погасил свет.

– Все по комнатам! – закричал он, увидев разбуженных и напуганных детей, едва вышел в коридор.

Вместе с Фредди Джон спустился вниз, в паб, где остановился возле барной стойки.

Джон молча рассматривал ночных посетителей. Так же молча, заметно нервничая, рядом с ним стоял Фредди.

Наконец, главный посмотрел в их сторону.

– Я, так понимаю, Вы и есть мистер Джон Сейдж? – подошёл главный дыша Джону в лицо. Джон попятился назад от перегара которым тот дыхнул на него.

– Знаешь кто я? – спросил главный.

– Не мудрено догадаться, – ответил Джон, – и не скажу, что рад вашему визиту, сэр Генри Кнак по прозвищу Стрелок.

– Ну вот и познакомились, – усмехнулся Кнак отойдя от Джона, – мы оставим тебе на попечение нашего солдата. Свободная Ирландия не забудет твоей услуги оказанной нашему

общему делу борьбы за независимость, мистер Сейдж. А после победы мы возместим все убытки причинённые тебе сегодня ночью. Будь добр, присмотри за парнем, – указал он на истекавшего кровью раненого.

Джон подошёл к раненому солдату.

– Ему нужен врач, а не пивовар, – оценил Джон рану и глянул на Кнака.

– Мы знаем, – ответил Кнак, – и потому мы оставляем его тебе. Ты же знаешь, что врач будет первый к кому нагрянут англичане? Постарайся, чтобы врач появился, старина Сейдж, – усмехнулся Кнак.

Он подошёл к Джону и положил ему руку на плечо.

– Я знаю, ты постарайся, – глянул Кнак Джону в глаза и изменился в лице, – просто дочки у тебя красивые.

Кнак убрал руку, повернулся к солдатам и прошёл к выходу.

– Пошевеливайся! – прикрикнул он, – ночь не вечна, ребята!

Ночные гости ушли так же как и появились, внезапно. Джон остался стоять посреди паба, где уже валялись окурки и пустые бутылки. На столе, прямо перед ним, лежал раненый солдат. Джон снова посмотрел на него.

В паб вбежала Анна.

– Кто это был? – тревожно, едва сдерживая крик, схватила она за руку Джона.

– Ты слышала кто это был, – тихо ответил Джон.

– Республиканцы? – охнула Анна.

– Да, республиканцы, – сказал Джон, – Кнак Стрелок, собственной персоной. Оставил нам подарок. Добрались таки они и до нашей семьи.

– Я сколько раз тебе говорила, что надо уезжать к моему брату в Лондон! – вскрикнула Анна, но муж одёрнул её строго посмотрев.

– Что мы теперь будем делать? – не успокаивалась Анна.

– Для начала позови мальчиков, – ответил Джон, – пусть перенесут его в подвал и перевяжут рану. А девочки пусть уберут тут всё. Я останусь здесь и посчитаю убытки. Утром пошлём за доктором, а там будет видно. Хотя... – он помолчал, – хотя что там считать? И так всё ясно, что будет теперь.

– Может вызвать полицию? – предложила Анна.

– Что ты говоришь, дорогая? – посмотрел спокойно на неё Джон, – один факт того, что этот парень здесь, уже повод нас выбросить на улицу, позови ты хоть самого короля! Какая разница кто нас сожжёт? Полиция, республиканцы, военные? Давай не будем раньше времени звать их с факелами к себе в дом?

...Солдаты ворвались утром и сволокли в семью в этот же самый паб. Стояла такая тишина, что было слышно даже мух бьющихся об стекло в окне.

Офицер прохаживался по залу, время от времени поглядывая на Сейджей выстроенных в ряд лицом к стене.

Солдаты выволокли из подвала раненого и швырнули на пол, на середину зала.

– Итак, – начал офицер, – значит вы все как один утверждаете, что этот раненый бандит, всего лишь неизвестный вам человек, которого вы нашли на пороге своего дома, ночью?

Он встал над раненым и посмотрел на него. Смотрел долго, несколько минут показавшихся вечностью.

– И кто же это, всё-таки? – повторил свой вопрос офицер.

– Мы не знаем его имени, – выдавила из себя Анна, – мы не можем Вам его назвать, сэр.

– Не знаете имени, не знаете кто это, и тем не менее он оказался в вашем доме? – усмехнулся офицер и пнул раненого.

Раненый застонал.

– Мы всего лишь проявили христианское милосердие, – ответила старшая дочь Джона и Анны, Стелла.

– Христианское милосердие? – словно удивился и поверил офицер, подошёл к дрожащей Стелле и заглянул ей в лицо, – хорошо, – кивнул он, – умница, мисс.

Он схватил её за волосы и потащил на середину зала. Стелла упала и закричала от боли, а следом за ней закричали и заплакали от ужаса дети, младшие сёстры, Дороти и Констанца, и младший брат Энтони.

– Я ещё раз повторяю свой вопрос! – закричал на Стеллу офицер, – кто его приволок сюда и почему он в вашем доме!?

Стелла молчала закрыв глаза, стараясь сдержать крик и страх, и не смотреть на своего мучителя. Офицер наотмашь дал ей пощёчину и поставил на колени.

– Значит будем продолжать молчать? – спокойно сказал он.

– Я не... я не знаю кто это... – простонала девушка.

Плач детей не прекращался.

– Заткнули свои хлебоприёмники, щенята! – заорал он.

Дети испуганно затихли, а Дороти даже зажала себе рот ладонью.

Офицер снова посмотрел на Стеллу.

– Хочешь, я отдам тебя солдатам на часок? – усмехнулся он, отпустил волосы девушки и вытащил к ней за косы Дороти, которая тут же снова начала кричать и плакать.

– Могу на пару с сестрёнкой, чтобы вам не было скучно, мисс, – усмехнулся офицер, – ну как? Память освежилась?

– Пожалейте её, – выдохнула сквозь слёзы Стелла, – ей всего четырнадцать... Она ещё ребёнок...

– Негры долго не живут, – усмехнулся офицер, – а вы хуже негров. Вы ирландские шлюхи. Такие же как и на Гаити. Хочешь, я вас обоих отправлю туда, улучшать породу черномазых обезьян? А твоему братику выпишу направление на рудники в Канаду, где его запрягут в коляску, вместо ослика. И будет он таскать уголь из шахты, пока сам не забудет как его зовут! Выбирай, детка.

– Нет... – прошептала сквозь слёзы Стелла.

Раненый зашевелился и простонал.

– Он приходит в себя, сэр, – указал на него один из солдат.

– Вижу, не слепой, – отшвырнул Дороти офицер и пнул её сапогом, – пошла проч, ирландская мартышка!

Дороти упала, привстала и плача отползла обратно к стенке, прижавшись к ногам матери.

Раненый открыл глаза, осмотрелся, полез за пазуху и молча вытащив оттуда револьвер выстрелил себе в горло.

Он тут же замер там где и лежал.

– Вашу мать! – закричал офицер на солдат, – вы что, не могли его обыскать?

– Да кто же знал, сэр, – начали оправдываться солдаты.

– Одни предатели вокруг! Тотальное предательство! Сплошное предательство! – заорал офицер глянув на солдат и на Сейджей.

– Вы тоже не знали про револьвер!? – ударил он наотмашь Джона.

Джон упал на пол.

– Я не имел права его обыскивать... Вы же знаете, сэр, – поднялся Джон, стараясь не смотреть на офицера.

– Вас всех следует расстрелять, по законам военного времени, – вытянул наган из кобуры офицер.

– Прошу Вас, сэр... – упал на колени Джон, повернувшись к нему, – убейте меня, но пожалейте мою жену и детей. Они ни в чём не виноваты. Это я позволил себе проявить милосердие к этому заблудшему человеку. Прошу Вас о милости...

– Пшёл вон! – снова ударил его офицер. Джон упал. Офицер обернулся к солдатам.

– Дом сжечь, – приказал он, – а этих вышвырните куданибудь с моих глаз. И позаботьтесь, чтобы свидетелей не было.

– Помилуйте, сэр, – простонал, поднимаясь, Джон, – я всего лишь торговец. Мы не партизаны и никогда не сочувствовали Шинн Фейн, мы не бунтовщики...

– Дом сжечь, – повторил офицер, и посмотрев на Джона тихо проговорил, – и если уважаемый мистер Сейдж не хочет, чтобы его семья стала жертвой этого... случайного пожара, он заткнёт свой рот. Так и сообщим журналистам: случайно проезжали мимо, но ни кого не успели спасти из огня.

Солдаты подхватили Джона под руки и вышвырнули во двор. Следом вытащили Стеллу, а Анну, прижимавшую к себе плачущих детей, Фредди и Джорджа, вытолкали прикладами.

Офицер вышел, пнул лежавшего у порога Джона и молча направился к стоявшему неподалёку броневому автомобилю.

Дом занялся огнём быстро. И так же быстро от него осталось тлеющее пепелище.

Никто ничего не говорил. Все молчали глядя на пожар, а после, на то что осталось от дома. Джон сидел на старой коряге. Рядом, опустив голову, плакал Фредди, а старший сын, Джордж, нервно курил папиросу за папиросой. Стелла сидела на коленях, прямо на дороге, её успокаивала Анна. До сих пор перепуганная Дороти забилась под телегу, где прижимала к себе чудом уцелевшего в пожаре щенка. Двенадцатилетний Энтони и восьмилетняя Констанца, просто стояли взявшись за руки, стараясь ничего не говорить и ничего не спрашивать у старших.

Сгорело всё нажитое за долгие годы...

Энтони посмотрел на тлеющие угли и тихонько запел...

*– Весёлый мертвец, пастырь чёрных овец,
Собрал он вольный сброд.
И в даль погнал их по волнам
Ветер вольных вод.
Йо-хо, грянем вместе!
Что ж нам дьявол не рад?
Хей-хо, громче песню!
С ней хоть в рай, хоть в ад...*

– Глупый мечтатель, – прошептал Джон посмотрев на младшего сына, – он представляет себя пиратом. И как назло любит петь.

– Это лучшее что ему остаётся, – ответил отцу Джордж, закуривая очередную папиросу, – делает что умеет лучше всего.

– Ты нервничаешь, сын, – посмотрел на него Джон, – дай-ка и мне одну.

– Я не помню, чтобы ты курил, отец, – протянул Джону папиросу Джордж.

– Тут не вспомнишь дурные привычки молодости, – ответил Джон.

– Это я виноват, – заговорил, до того тихо плакавший Фредди, – простите меня, если можете, – это я их впустил. Я трус. И это всё из-за моей трусости!

– Да полно тебе, сынок, – обнял его Джон, – все живы, все целы, не так как тогда, когда шла война.

– А что это, если это не война, отец? – посмотрел Фредди на Джона, – это ты называешь миром? К нам врываются партизаны, следом англичане. Шинн Фейн убивают нас за то, что мы не убиваем англичан! Англичане, потому что у нас не хватает смелости в них стрелять! Я уйду в партизаны. Сегодня же, папа!

– Тихо, тихо, не горячись, – прижал к себе сына Джон, – если бы хотел, то давно бы ушёл, молча, без истерики.

– А? – глянул на отца Фредди и кивнул на Энтони, – вон, поет. Он умом не двинулся? Фредди глянул на Энтони.

– Эй, певец! Замолчи, и без тебя тошно!

Энтони замолчал, переглянулся с Констанцей и так же, держа сестру за руку, подошёл к отцу и братьям.

– Вот, – достал он из-за пояса небольшой свёрток и протянул его отцу.

– Что это? – взял свёрток Джон.

– Мамины и бабушкины украшения, – вытерев слёзы с лица, проговорил виновато мальчик отворачивая глаза.

– Да что ты говоришь, сын! – воскликнул Джон, – какой ты у меня умница! Откуда они у тебя?

– Анна! – позвал он жену, – идите все сюда, скорее! Энтони нас всех спас!

– Что? – подошла Анна и присела рядом с мужем, – мои украшения? Сынок, ты успел забрать мои украшения?

Она крепко обняла сына и поцеловала сына.

– Умница, расскажи, где ты их взял? Откуда они у тебя взялись?

– Простите нас, мамочка, папочка, – виновато опустил голову Энтони, – мы с Констанцей вчера играли в пиратов и это были наши сокровища. Я положил их себе в куртку и думал незаметно подложить обратно к тебе в шкатулку, мама. Но забыл. А утром пришли солдаты...

– Стоп! – остановил его рассказ Джон и посмотрел на жену, – думаю, что мы прощаем им все шалости на год вперёд! Правда, Анна?

– Правда, – кивнула в ответ Анна и снова обняла Энтони, а другой рукой прижала к себе Констанцу.

– Это настоящие пиратские сокровища, сынок, – улыбнулся Джон глядя на украшения, – вы спасли нас от разорения, дети.

Джон обратно завернул их в свёрток и посмотрел на жену.

– Что думаешь, Анна?

– Я их всё равно никогда не одевала, – ответила Анна, – наших детей надо похвалить. Через них нам помог Бог. И первое, что мы сделаем, пошлём старших мальчиков к ростовщику. Пусть он всё это купит по той цене, по которой захочет. И сегодня же уедем отсюда. Я не хочу тут оставаться ни дня. И девочки со мной согласны.

– И куда же мы? – вздохнул Джон.

– В Лондон, – решительно ответила Анна, – туда куда ты не хотел ехать, потому что не слушал меня! Видишь, что получилось из-за твоего упрямства, Джон? Думаю, что мой брат ещё не продал домик тётушки Розалии? И англичане пусть они понимают, что мы им не враги. А в Лондоне всегда можно найти работу, хотя бы временную. А потом уберёмся подальше из этой проклятой страны. Твои племянники уже давно в Нью-Йорке! И нас звали, а ты упёрся и не поехал! Неужели непонятно, что тут ничего хорошего не будет?

– Не слышал, чтобы Лондон нуждался в пивоварах и пекарях, – усмехнулся Джон в ответ жене, – а тем более Нью-Йорк!

– Зато там всегда нужны швеи, – улыбнулась Анна, – а тебе, мой супруг, пора бы привыкать сидеть дома, чтобы потом нянчить внуков и не думать о работе. Хватит, наработались уже с тобой.

- Внуков? – удивился Джон.
- Наши дети выросли, Джон, если ты не заметил, – ответила Анна...

Глава 3

– И что ты умеешь делать, молодой человек? – смотрел на Чарли старый мастер сверху вниз.

Чарли смутился и опустил глаза. Это был его первый рабочий день не только на этом заводе, но и вообще в жизни. Раньше он никогда не нанимался на работу и не нанялся бы и сейчас, если бы семье не нужны были деньги. Вся жизнь Чарли до отъезда из Мелкшама составляла – дом, школа, опять дом, уроки и маленькая компания лучших друзей. Но друзья остались позади, о школе пришлось забыть и после недолгих поисков мальчика пропустили через проходную этого шумного и пыльного завода на окраине городка.

– Понятно, – вздохнул мастер, – не красней, юноша! Все мы приходим сюда от мамкиной юбки ради куска хлеба и кое-кто даже выбивается тут в люди, а кое-кто остаётся тут навсегда, чтобы учить других таких искателей заработка!

Мастер перекрикивал шум станков и перебивающийся ударами сотен молотков. В цеху стояли невыносимый гул и раздражающий слух гам.

– Ты работал раньше хоть где-то? – спросил мастер.

– Нет, сэр, – ответил Чарли, – я учился в школе, окончил шесть классов...

– Окончил? – переспросил мастер.

– Не совсем, – смутился Чарли и снова опустил глаза.

– Ладно, ладно, – успокоил его мастер, – читать и писать умеешь?

– Умею, сэр, – обрадовался Чарли.

– Хорошо, – позвал его за собой мастер, – иди за мной и постарайся не потеряться тут.

Он провёл его через весь цех и завёл в дальнюю коптёрку, в углу которой стоял огромный дубовый стол, за которым виднелся серый, узкий сейф и пахло бумагой и мазутом.

Когда мастер закрыл за собой дверь, тишина как будто ударила по голове.

Усатый рабочий, сидевший на скамейке перед большим раскрытым ящиком в котором лежали готовые блестящие болты, глянул на Чарли и мастера сквозь очки и кивком головы поздоровался.

– Джек, – окликнул мастер рабочего, – парнишка грамотный и совершенно не подходит для цеха. Думаю, тебе он будет сподручнее чем токарям?

– А что я могу ему предложить? – указал Джек на Чарли.

Он окинул Чарли оценивающим взглядом с ног до головы так, что Чарли даже покраснел.

– Не знаю, – ответил мастер, – но мне он нравится. От него не будет проблем, как я думаю. Поручи ему подписывать бирки и выписывать накладные, под твою диктовку. И ещё пусть займётся маркировкой ящиков.

Мастер глянул на Чарли и похлопал его по плечу.

– Добро пожаловать на завод, мистер учётчик. И в конце рабочего дня не забудь зайти ко мне за оплатой. Иначе может получиться, что день потратишь в пустую.

– Понял, сэр, – кивнул Чарли.

Мастер оставил их вдвоём и хлопнув дверью вышел.

Джек вздохнул, молча указал на табурет возле стола и положив перед Чарли пачку бланков и перо постучал пальцем возле чернилницы.

– Мне не интересно кто ты и что ты, и что ты ел сегодня на завтрак, – произнёс равнодушно Джек, – тем более мне это не интересно в рабочее время. После работы можем поговорить о чём угодно. А сейчас – меньше болтай и больше пиши что тебе я скажу. И пиши без ошибок и разборчиво. Каждая ошибка стоит одну маленькую монетку, которая могла бы оказаться у тебя в кармане, а окажется у кого-нибудь другого.

– Я понимаю, сэр, – ответил Чарли глядя на Джека.

– Меня зовут Джек Томпсон, – усмехнулся Джек, – кто такой мистер «сэр» я не знаю. Тут тебе не школа, мальчик. Привыкай к тому что с тобой будут разговаривать хамски и на «ты». Поэтому имей чувство юмора и острый язык. И сам говори на «ты». Но никогда не хами. Иначе ты никогда тут не станешь своим.

Чарли молча кивнул, продолжая глядеть на Джека.

– Вот и хорошо, – ответил Джек, – теперь, порядок такой: я говорю, а ты записываешь, всё что я тебе говорю, вот в эти бланки. Они называются у нас бирками, а правильно – техническими паспортами изделия. В них нельзя делать помарок, ошибок и исправлений. Одна такая, никому не нужная, бумажка стоит один пенни! Понял, сынок?

– Да, с... Джек, – приготовился писать Чарли и окунул перо в чернильницу.

...Пролетела осень. Как-то незаметно и быстро. Следом, так же незаметно и быстро наступила зима и приближалось Рождество. И маленький дом на улице Вернон преобразился, украсился гирляндами и свечами на камине, на подоконниках, на столиках, у зеркал, ангелочками и звёздочками то тут то там. Но свечи ещё нельзя было зажигать и Гарольд поэтому только поглядывал на них, мечтая о том, что завтра именно ему разрешат зажечь эти маленькие огоньки в прозрачных красных, синих, жёлтых, зелёных скляночках и окунуть дом и всю его большую семью в праздничное, волнующее чудо Рождества.

Джесси вполне разделяла мечты младшего брата и тихонько шушукалась с ним про то кто начнёт первым, и какие свечи будут чьими. Дети пытались угадать что мама завтра поставит на стол и будет ли их любимый яблочный пирог, и вообще как начнётся праздник. Тогда можно будет долго не спать, загадывать желания и прислушиваться к каждому шороху на крыше, и даже ни чуть не бояться этих шорохов, ожидая Святого Николая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.